

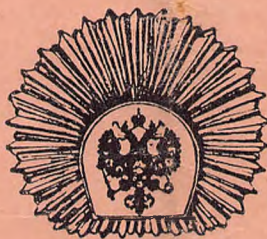
№ 38

СЕНТЯБРЬ 1959 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Представитель ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ на Германию, кадет Оренбургского
Неплюевского кадетского корпуса
ПОЛКОВНИК

Александр Фаддеевич КИРЕЙ

скончался в г. Дорнштадт 14 августа 1959 года, о чем с глубоким горем извещает семья Обще-
Кадетского Объединения.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Линейный корабль «Полтава» (оконч.) — И. Волхонский	1
1-ый пехот. Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году (продолжение) — Г. Беннигсен	4
Три времени года в четырех стенах (окончание) — П. Ф. Волошин	7
Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (к 125-летию со дня основания) — Б. М. Марин	11
Кавалерия — Иван Сагацкий	15
К 160-летию Швейцарского похода — Эраст С—кий	15
Забайкальская казачья бригада — В. К—й	17
Юбилейная экскурсия по России — Ф. Кочетов	19
Спортивные заметки — А. Левицкий	22
Памяти командира — В. Милоданович	23
Хроника «Военной Были»	24

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В ответ на многочисленные запросы и выражения неудовольствия подписчиками и читателями наших изданий, Издательство сообщает, что неаккуратный выход «Военной Были» и «Вестника», в истекающем 1959 году, ни в какой мере не является виной ни Редакции, ни Издательства. Весь материал аккуратно сдается во время в нашу постоянную типографию и вина за неаккуратный выход и запаздывания всех номеров, ложится целиком на нее.

Дирекция заверила нас, что это явление временное, и в ближайшем же будущем все войдет в нормальные рамки и наши издания будут регулярно выпускаться, как и прежде.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°).

MIR. 72-55

8-й год издания

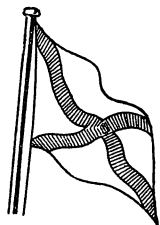
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1959 Г.

Bimestriel.

Prix — 250 fr.

Линейный корабль „Полтава“

(ОКОНЧАНИЕ)

На горизонте нас ожидает щит, представляющий собой старое судно (или громадную баржу), между мачт которого натянута парусина; щит буксируется одним из судов щитового дела, душой которого является кан. 2-го ранга Мякишев, хозяйственный человек и талантливый организатор. Сегодня он будет проклинать Егора (Четверухина), что утопил еще одну штучку из его имущества, а не только повредил ее, чтобы можно было исправить. Имеем ход 18 узлов, ну возможно, что надо будет дать и 20; механическая часть всегда имеет наготове 2 и 3 котла. Эх, если-бы можно было встретиться с немцами! Такая у всех вера в нашу артиллерию и командира. Но строгий приказ Государя не рисковать 1-й бригадой. Поэтому только постреляем по щиту сегодня и сейчас увидим, как наш 52-калибровый (за его громадный рост и склонность к полноте) Егор будет вести стрельбу боевыми, да и в условиях, близких к настоящим.

Так-как моя вахта кончилась, прошу разрешения у старшего механика оставить мой боевой пост (главное управление турбинами) и подняться наверх — поглядеть. В моей каюте вестовой Зинин (татарин) шурует. Все, что было на полках, положено на койку или на палубу. Спрашивает:

— Ты, В-дие, зачем?

— Хочу взять бинокль.

Он вынимает из ящика стола и дает мне его.

— Дай мне еще эту коробочку! — В ней находятся эбонитовые шарики для закладывания в уши против сотрясения воздуха от залпов.

Зинин у меня очень сердитый, удивительно чистоплотный и аккуратный. Очень заботится обо мне. После вахты всегда приготовит ванну и все необходимое для мытья. А за столом ревниво следит, чтобы не выпил лишней рюмки водки. Это моя мать, при посещении корабля перед началом кампании, ему наказала беречь “малого”. А малый 1 м. 78 см. ростом и при этом футболист.

В кают-компани оживление. Там младший доктор, по прозвищу “пипифаша”, с санитарями готовят перевязочный пункт, а, если нужно, то и операционную.

Больше всех суетится наш ресторатор-француз

monsieur Orveillon Felix, личность незаурядная. Маленьким мальчиком-сиротой он был привезен из Тулона адмиралом Авеланом, вырос в С. Петербурге, в 16 лет был им отправлен в Париж к знаменитому ресторатору Дюран для усовершенствования в кулинарном искусстве и, по отбытии воинской повинности, вернулся в Россию, пошел добровольно на 2-й Тихоокеанской эскадре на Восток, был в Цусимском бою на “Суворове”, и по возвращении плавал на разных судах военного флота. Назначенный командиром “Полтавы”, барон Гревениц пригласил его ресторатором на корабль, где он пробыл с постройки до конца дней корабля. Кормил он замечательно, по рецептам старой французской кухни. Очень славились его блинчатые пироги, с восемью начинками, которыми, по судовой традиции, офицер, в день своего Ангела, угощал кают-компанию за завтраком. В день французского национального праздника, 14-го июля, Феликс приготавливал что-то особенное и замечательное по тонкости вкуса и оригинальности. “Как во дворце Президента Республики”, — говаривал он, разодетый во фрак, со всеми декорациями, а у него были все медали за усердие, также и военные, как на груди, так и на шее. Он плакал от радости, когда, по представлению командира корабля, получил, наконец, орден Станислава 3-й степени. Имея возможность, как штатский человек, оставаться на берегу, он всегда был на корабле во время боевых походов, исполняя очень усердно обязанности старшего санитаря по боевому расписанию команды.

Пройдя через буфет, я убедился, что и здесь все приготовления закончены. Решил обосноваться в плутонге Жэни Михайлова, артиллериста в третьем поколении, с которым связывала служба и дружба еще с училища (он был юнгером флота и жил в нашем училище). Вот мы подходим к позиции. Пробирается боевая тревога. Все автоматически задривается, телефоны, передатчики всяких расстояний и указатели работают на полный ход. Кроме этого у большинства офицеров имеются артиллерийские бинокли с сеткой на стеклах, также дающие расстояние до цели. У нашего Егора он огромный, и, должно быть, очень точный. Смотрю в прорезь, на горизонте вижу две точки; это буксир и его щит. Жюнька звонит по телефону в боевую рубку:

— Егор, сделай милость, поиграй со щитом, не топи его сразу.

Слышу в ответ веселый бас Четверухина:

— Как выйдет, Жюня, как выйдет, что даст Господь!

— Прибеднивается Егор, ты-же его знаешь. Посмотрит в свои окуляры и скажет 65 кабельтовых, а в это время дальномеры начинают жужжать со всех постов 65 каб., дистанция 65 каб.

Так вот и теперь, Георгий Николаевич посмотрел в свой бинокль и сказал 72 каб. В этот момент стрелки всех дальномеров Барра-Струда указали 72. Два больших залпа. Сильное сотрясение всего судна. Ощущение, что корабль качнулся и осел. Хочется закрыть глаза и спрятать голову, точно это чем-то поможет. Звук менее резкий, чем залп хотя бы шестидюймовых. Смотрю, почти на горизонте, за щитом, громадный столб воды. Вернее несколько их. Следующий залп снаряды падают перед щитом, немного впереди. Накрытие. Егор выравнивает по целику. Залп. Один больше. После пятого залпа, колоссальный столб воды и на море нет больше щита. Жалко, жалко, что это не немцы.

За завтраком большой шум в кают-компанию. Разбор стрельбы и всего маневра. Объяснения дает сам Четверухин, присутствует, как приглашенный, командир (по уставу он ест отдельно, у себя в помещении, а председательствует в кают-компании старший офицер).

Офицеры корабля любили и умели заниматься с командой, подготавливая ее к исполнению долга перед Государем и Родиной. В часы досуга, команда также не оставалась без внимания. Старший офицер “Полтавы”, пробывший в этой должности, с постройки корабля и до революции, хорошо знал команду. Ему пришла идея устраивать спектакли на корабле. Сначала это делалось в день судового праздника “Полтавской победы”, а затем в 1916—1917 гг. был снят финский народный дом в Гельсингфорсе на зимний сезон, каждую первую субботу месяца. После спектакля там устраивался морской бал, на который каждый матрос имел право пригласить двух дам, все это было бесплатно. Вход был свободный и для матросов с других кораблей. Успех этого начинания был огромный. Кап. 2-го ранга Щастный побывал в С.-Петербургской Публичной библиотеке и привез оттуда копию старинной пьесы “Сказание с славном Царе Максимилиане и его преступном сыне Адольфе”. Комедия была нами переделана с прибавлением сцен из морского быта, что очень понравилось команде. Актеры были офицеры и матросы. Роль Царя Максимилиана исполнялась старшим судовым боцманом Афанасием Ивановичем (еще с парусного флота. Плававшим на “Герцог”). Он очень подходил к этой роли и важно восседая на троне, в мантии и короне, окруженный царедворцами, властно возглашал: “А позвать ко мне моего преступного сына Адольфа”, на что церемонимейстер арт. унт. офицер Степанов дает реплику: “Вахтенный”. Входит вахтенный матрос с дудкой. Свистит и окликает: — “Адольфа к царю”. Тотчас два матроса из караула вводят

Адольфа-машиниста Тимошкина и т. д. Режиссером был я и кроме того исполнял роль портного: — “Вот, я швец, портной, на чужой покррой, кто-бы сшил, да скроил, я-бы денежки получил”. Вся пьеса была в стихах и прибаутках. Вторым номером был музыкальный дивертисмент “Веселая деревня”. Это были хорские русские песни и пляски в костюмах эпохи, в исполнении артистов из команды корабля (мужские и женские роли) и в сопровождении судового оркестра балалаечников, и духового, также организованных мною. Это было для команды самое ценное; хоровые песни и частушки, известные им еще с детства и переносившие их хотя и на короткое время, но в родной быт мирного времени. Номер имел всегда исключительный успех.

Перед началом спектакля были выступления гимнастов и различные упражнения по поднятию тяжестей. Особым успехом пользовался номер разрывания цепей и сгибания железа в исполнении водолазного старшины ст. унт. оф. Зосимова (более 100 кил. веса), чемпиона России по поднятию тяжестей, друга и ученика Поддубного. Праздник заканчивал грандиозный бал (два оркестра музыки).

Кроме судового праздника устраивались массовые съезды на берег на баркасах, например, на Бригитовку, во время стоянки в Ревеле, пикники для рыбной ловли и танцев на природе. В последнее время, нами был арендован в Свеаборгской бухте маленький остров, находившийся в 150 метрах от бочек стоянки корабля. Большая дача с хозяйственными постройками позволила нам разгрузить судовой лазарет и, под надзором фельдшера, поместить больных (легочных) главным образом из машинной команды. Были куплены три коровы и несколько свиней, и каждый вечер барказ отвозил на остров удильщиков рыбы и несколько обрезов с остатками дневной пищи для свиней, а к Рождеству откормленные, они шли на улучшение командного стола.

Спорт очень процветал на “Полтаве”. Обязательное обучение личного состава плаванию, гребной и парусный спорт, зимою конькобежный и бугерный, гимнастика на снарядах и борьба (руководители лейт. Васильев и Михайлов и ст. унт. оф. Зосимов) легкая атлетика и футбол, в котором “Полтава” была представлена двумя командами: 1-я из них под моим руководством выиграла часы Государя Императора и переходящий серебряный кубок, пожертвованный командующим Балтийским флотом, адмиралом Каниным.

Командир В. Е. барон Гревениц принимал самое большое участие в организации спортивной деятельности на корабле. Им были отпущены значительные средства для приобретения снарядов и спортивной экипировки. Для построенных аэросаней он подарил 6-цилиндровый мотор “Скрипич” со своей петербургской яхты.

С. В. Зарубаев, второй командир, душа всех спортивных начинаний, не пропускавший ни одного состязания, добился перевода из армии во флот запасного оркестра Л. Гв. Преображенского полка. Этот

оркестр участвовал во всех спортивных выступлениях команды, а зимой играл на концертах в пользу раненых воинов.

Это внимание офицеров к команде и занятие с нею во время досуга дало прекрасный результат. В ночь с 3-го на 4-е марта 1917 г. во время общего матросского восстания на лин. кор “Полтава” *не был убит и не был арестован ни один офицер*, а переговоры 3-го марта около 9 час. вечера у борта корабля с толпой матросов со 2-й бригады линейных кораблей сделали то, что убийства офицеров на больших кораблях прекратились, матросы устремились на берег, где и произошли дальнейшие и самые значительные эксцессы на судах, стоящих у набережной Свеаборгского порта. Более того, наша судовая команда, до последнего дня моего пребывания на корабле, т. е. до октября 1917 г., была настроена вполне лояльно по отношению к офицерам. В судовой церкви совершались по праздникам богослужения, пел командинский хор, матросы посещали службу, как и раньше. Как факт, могу сообщить, что в июльские дни из-за ареста в Петрограде видных большевиков, а у нас в Свеаборге председателя Центр-Балта Дыбенко, были митинги на кораблях с целью поднять восстание. “Полтава”, стоявшая последней в линии судов, после собрания, руководимого депутатом ст. ун. оф. Зосимовым, постановила воспрепятствовать этому. Сейчас-же была пробита боевая тревога и стали шевелиться хоботы бортовых орудий. Одновременно Командующий флотом выслал на рейд несколько миноносцев. На флоте прокатилось: “Полтава” не хочет. И восстание не состоялось. К этому времени команда корабля делилась на беспартийных и соц. революционеров (Зосимов), других партий не было. Конечно, одному кораблю остановить событий было невозможно, но прекрасный подбор офицерского состава и ясно поставленные ст. офицером А. М. Щастным цели воспитания команды, сделали благое дело и корабль был в полном порядке и комплекте до демобилизации 1918 года.

Мне хочется, в добавление к сему, сообщить один случай прекрасного состояния духа машинной команды “Полтава”, очевидцем которого я был. После кошмарной ночи массового убийства офицеров флота, на утро 4-го марта 1917 г., наступило затишье. Накануне 3-го, как это делалось каждый день, на “Кречете” (Штаб Ком. Балт. фл.) был поднят сигнал: 4 марта дежурный корабль “Полтава”, поддежурный “Гангут” (наш *sister ship*). По регламенту службы, на стоянках в портах с дежурного корабля от подъема и до спуска флага, отправлялся на берег взвод матросов с офицером и двумя унт. оф. для несения полицейской службы (обходы) в десантном обмундировании с повязкой на левом рукаве (буквы рцы — синий, белый, синий). С поддежурного корабля также отправлялся взвод с офицером, с подчинением офицеру дежурного корабля, который был старшим обходным офицером. Фамилии их сообщались по семафору на “Кречет”. Штаб-квартирой охраны было Морское Собрание.

Для нужд обхода, полагался портовый одотонный грузовичек “Фиат”, находившийся в распоряжении старшего обходного офицера. По судовому расписанию на этот день старшим обходным офицером был назначен я, в то время, трюмный инж. мех. и командир трюмномашинной роты. После подъема флага, я выстроил свой взвод и проверил людей и исправность обмундирования. Ввиду происшедших ночью событий, командир кап. 1-го ранга Зарубаев, приказал вооружить отправляемый взвод винтовками, а также передать об этом по семафору на “Гангут”, с просьбой сделать то же самое, что и было исполнено.

Получив все указания по охране порядка на берегу, мы отправились по льду в Свеаборгский порт, вдали за нами следовал взвод с “Гангута” с мичманом Н. Подходя к портовым воротам, но находясь еще в 700 метрах до них, мы услышали несколько выстрелов и увидели замешательство у входа. Ускорив шаг, мы все же пришли несколько поздно. На берегу мы узнали, что было покушение на жизнь Командующего флотом адм. Адриана Ивановича Непенина, что он ранен и отправлен в госпиталь. Затем оказалось, что это неверно, и адмирал был убит выстрелом сзади.

Придя на берег на несколько минут раньше, мы наверное помешали бы этому злодейству и, может-быть, судьба флота была-бы иная. Пути Господа неисповедимы.

Придя на место, я отправил Гангутский взвод в патруль на Вокзальную площадь, где ожидался большой митинг, а также на экспланаду. Свой взвод разделил на две части: одну из них в 15 человек, под командой ст. унт. оф. Мельникова отправил в район Русского театра, где жило много семейств моряков, а сам, с резервом, остался в Морском Собрании, наказав, время от времени, сообщать мне по телефону о происходящем в городе. Первая половина дня прошла относительно спокойно. Часов около 3-х я получил от унт. оф. Мельникова телефонный звонок. Он извещал меня, что на Александровской улице (если не ошибаюсь) наблюдается скопление людей в солдатской форме и, видимо, готовится какая-то манифестация, а через несколько минут второй звонок Мельникова сообщает, что одиночные солдаты пытаются проникнуть во двор дома, где проживают семейства высших чинов укрепленного района Свеаборга, и что он просит инструкций. Я ответил, что сейчас приеду сам с подмогой и приказываю не стесняться ничем для защиты женщин и детей, живущих в доме. Тотчас-же я приказал подать грузовик и, взяв всех свободных людей, отправился на помощь. Мы прибыли во время. Банда запасных солдат, по виду каких-то лесных бородатых людей, вооруженных кольями, насадала на наш патруль. Мой унт. офицер, ясно сознавая неравенство сил, приказал зарядить винтовки. Подъезжая, я увидел наших людей, цепью, поперек улицы, открывавших огонь; первый залп в воздух, а затем по толпе. Толпа (около 200 чел.), увидя подъезжающий грузовик и выскакивающих матросов, замешкалась и бросилась в обратную сторону, оставив на месте 6 человек раненых.

На своей машине мы преследовали их до спуска на лед и убедившись, что они возвращаются на свои форты, повернули обратно. Часа через два прибыл взвод солдат крепостной артиллерии, которому мы и сдали охрану дома, отвезя раненных в госпиталь. С нашей стороны потерь не было.

По возвращении на корабль, я доложил обо всем Командиру и мы получили благодарность за наши действия в приказе по кораблю. Если-бы был жив адмирал Непенин, он также одобрил-бы это, т. к. знал как мы воспитывали команду корабля.

На следующий день утром, на лин. кор. "Полтава" прибыл командующий войсками Свеаборгской крепости и укрепленного района ген. штаба ген. лейт. Лащенко и командующий артиллерией ген. майор Алексеевский. и при выстроенной команде и офицерах, в прочувственных словах благодарил за спасение семейств генералов и офицеров, живших в этом доме, и особенно был рад, что это сделали люди экипажа лин. кор. "Полтава", имени того города, в котором он родился. Расцеловав меня и моих унт. офицеров, генералы уехали. В первый-же день революции во флоте, команда "Полтавы" проявила свои качества защиты порядка и верности долгу, каковые она сохранила до самого конца — демобилизации.

В конце 1917 г., покинув службу во флоте, я поступил на Николаевскую ж. д., и в феврале 1919 г., находясь, по делам службы, на территории Адмиралтейского завода, я посетил родной корабль, стоявший на причалах на том самом месте, откуда 12-го октября 1914 г. он, впервые, вышел на испытания. Все надстройки и палуба были занесены снегом: по мо-

стикам я поднялся на шканцы, по обыкновению сняв фуражку, приветствовал родной корабль, затем, не видя никого около, стал спускаться по трапу 4-й башни, ведущему в кубрики и кают-компанию. Темно, ни души. Зная каждый поворот и изгиб пути, я все-же двигался осторожно, как вдруг услышал шорох и, затем, голос: "Кто там"? Зажег спичку с при свете ее увидел фигуру матроса в бушлате с поднятым воротником. "Эго вы, ваше высокоблагородие"? — По голосу я узнал одного из моих славных машинистов Иванова Михаила. Оказалось, что он и еще 2 человека несут службу сторожами на корабле. Я попросил показать мне его. Он ответил с дрожью в голосе: "Г-н лейтенант, показывать-то вам нечего. Загубили нашу "Полтаву".

После прихода из Гельсингфорса, команда стихийно демобилизовалась и, покинув корабль, оставила все на произвол судьбы. Пары были прекращены, но вода не была спущена ни из котлов, ни из механизмов и трубопровода, а наши крепкие морозы закончили все сами. Все полопалось и понемногу ржавело. Все ценные предметы кают-кампании были расхищены. Как я потом узнал, мой соплаватель и друг инж. мех. лейтенант Карл Антон, разыскивал меня, чтобы передать мне всеми нами чтимую икону Божией Матери Казанския, которую он вывез с корабля. Затем он уехал в Эстонию, где и был командиром ревельского порта.

Последний раз взглянул я на корабль, расставаясь с ним, и прослезился. Много было потрачено сил и здоровья, и все оказалось ничему.

И. А. Волхонский

1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году

(Продолжение)

Оценивая положение 15-го (28-го) августа, проф. Вацетис пишет: "На левом фланге (немцев) в это время надвигался корпус генерала Клюева, но этот генерал выдал по радио секрет своего марш-маневра и этим самым подготовил свою гибель. Тем не менее, при большей энергии и искусстве, группа Шольца могла быть разгромлена в этот день по частям" (Вацетис, стр. 196).

Вот этой-то энергии у генерала Клюева не было. Лично храбрый, что он показал на другой день, распоряжаясь отпором 5-й резервной бригады у Шведриха, он был неспособен на смелое и самостоятельное решение. Имея пять полков, из которых только Невский вел упорный бой в течение дня, он мог решиться на дальнейшее наступление. Взамен этого, простояв целый день у Грислиненна, советуясь со старшими начальниками дивизии, генералами Угрюмовым и Пржежневским, и, вероятно, полковыми командирами без инициативы, как полковники Григоров и Гриббель, генерал Клюев целый день дожидался получения приказа из штаба армии. (О "Военных Советах", см. "Военный Сборник", № 4, стр. 160). Как известно

по статье капитана Фукса, приказание генерала Повостовского, о котором я писал выше, пришло в 12 ч. ночи на 16-е (29) августа. Оно соответствовало настроянию генерала Клюева в тот момент — уходить без боя на восток, стараясь "ускользнуть" от противника, но и в этом генерал Клюев медлил. Он, вопреки распоряжению штаба Армии, решил дать отдохнуть корпусу, ссылаясь на трудность для артиллерии пересечь лошину Пассарге-Квелле. Мне кажется, что при желании это было возможно, так-как не вся лощина была заболочена и можно было нащупать сухие места, но нам было приказано заночевать на своих позициях, причем нашему 2-му батальону было разрешено присоединиться к полку в Каммервальде. С ним отправился и я.

Разбирая наше положение к вечеру 15-го (28-го) августа, профессор Вацетис пишет, что генерал Самсонов решил собрать 2-ю армию на линии Ортельсбург—Млава. Для этого нужно было отвести 13, 15 и 23 корпуса к границе не позже полдня 16-го (29) августа, поддерживая отход короткими ударами 6-го корпуса на Ортельсбург и 1-го на Нейденбург. Это

было возможно: 15-й и 23-й корпуса могли легко на рассвете достигнуть Мушакена, 13-й корпус — границы к полудню 16-го (29-го) августа. В 6-м корпусе была 16-я пех. дивизия и 4-я кавалерийская, мало участвовавшие в боях, 1-й корпус тоже мало пострадал, спасение центральных корпусов было возможно.

Но мы отдыхали. Явившись в полк, я нашел его в очень бодром настроении, несмотря на сильные потери, после одержанной победы. Все были уверены, что на рассвете мы двинемся против немцев дальше. Наш 3-й батальон сильно пострадал. В моей 10-й роте по переключке оказалось всего 80 человек. Командир роты, капитана Радишевского, не было, думали, что он или был ранен, или заблудился и остался где-то в лесу, где его не могли отыскать. Командир полка приказал мне принять командование ротой. Усталые мы растянулись на траве и скоро заснули, по спать почти не пришлось.

16-го (29-го) августа, еще в темноте, мы были разбужены, так как пришло приказание полку идти на Меркен. Полк быстро поднялся и стал выходить из леса. Командир полка приказал мне принять полковое знамя. Моя рота шла в голове батальона. В темноте я не заметил, в каком порядке шли наши батальоны, но думаю, что последним шел наш первый батальон, которым командовал энергичный и храбрый капитан Артабалеvский. Мы двинулись из леса одной колонной, перешли лощину Пассарге—Квелле и направились к деревне Меркен. Внезапно послышался какой-то сильный шум скачущих лошадей и громахающих повозок, и мимо нас пронесся какой-то обоз, от которого мы еле успели отскочить в сторону. Что-то испугало лошадей, выстрелы или что другое, но они неслись мимо нас в бешеном карьере, несмотря на старания вожатых остановить их. Произошло замешательство, которое нас несколько задержало. Когда мы приближались к Меркену, было уже почти светло и на краю деревни загорелся дом. Одновременно нас стали обстреливать из-за Меркена. Командир батальона приказал мне рассыпать цепь, а командир полка приказал отнести знамя в другой батальон, выделив полуроту для его охраны. Я отправил вторую полуроту, под командой подпоручика Масленникова. Я его больше не видел до самого плена. Рассыпав цепь, я открыл огонь по неприятелю, занимавшему высоты позади Меркена. Делая перебежки под огнем противника, мы приблизились к деревне. Немцы не пытались нас атаковать и отошли к Гогенштейну, и по приказанию командира батальона я свернул свою роту, которая уменьшилась за выделением полуроты до 40—50 человек, и прошел через деревню Меркен посреди горящих с обеих сторон домов. Никто нас не тревожил, и мы беспрепятственно дошли до перешейка, по сторонам которого части нашего корпуса занимали позиции с артиллерией для того, чтобы не допустить немцев отрезать наши отступающие части. Бригада 3-й резервной дивизии фон Моргена пыталась перехватить наш корпус, но была отбита, особенно благодаря лихости батареи капитана Брылкина, 36-й арт. бригады. Наш батальон

был, вероятно, последней частью, прошедшей через Меркен и перешеек. Наш 1-й батальон не успел проскочить и был отрезан вновь подошедшими от Гогенштейна немецкими частями. Он присоединился к 144 Каширскому полку, оставленному в арьергарде корпуса, и разделил его участь. Этот полк сражался до ночи, отбив целый ряд немецких атак со всех сторон — с юго-востока дивизии Унгера, с юга и юго-запада 6-й бригады дивизии Моргена и дивизии Гольца, с северо-запада 37-й дивизии, и с севера подошедшими частями 1-го рез. корпуса Белова. Все эти атаки были отбиты ураганным огнем Каширского полка и батальона Невского, с находящейся при них артиллерией. Уже к вечеру немцы сосредоточили от 100 до 150 орудий и буквально смели полк с лица земли. И официальный отчет объясняет это тем, что, когда немецкий командующий направил полковнику Каховскому парламентаря с предложением сдаться, последний велел открыть по нему огонь. Тот-же отчет сообщает, что у Меркена и Гогенштейна было захвачено 8.000 пленных. В этом видно явное преувеличение, которым часто грешат немецкие отчеты. С нашей стороны в этот день дрались всего четыре батальона Каширского и один батальон Невского полка с артиллерией, т. е. самое большее 5.000 человек. Немцы сами описывают огромные потери этих полков, откуда-же они набрали тысячи пленных, которыми они хвастаются?

Наш полк довольно спокойно отошел к Куркену. У Шведриха, где был новый перешеек между двумя озерами, 5-я рез. бригада опять пыталась нас перехватить, но была отбита Софийским полком и батареей Брылкина и преследовавшие нас немцы не были боеспособны. Потерь в этих боях, насколько мне известно, не было. Таким образом мы дошли довольно рано до Куркена и все части полка, прошедшие через Меркен, а некоторые, обойдя озеро Гресс-Плаузитер, были собраны полковником Первушиным и заняли позицию впереди деревни, лицом к западу. Противника мы однако не дождались, он был слишком утомлен: 5-я рез. бригада достигла Куркена только к вечеру, а дивизия 1-го рез. корпуса генерала Белова, шедшая с севера, кругом озера Ланскер, завалилась спать в 8 километрах северо-восточней Куркена.

Как сообщает капитан Фукс, в Куркен вернулся начальник штаба корпуса генерал Пестич, который привез приказ, написанный в Орлау и подписанный генералом Пстовским, который гласил, что за отсутствием генерала Кондратовича и пленением генерала Мартоса, руководство отступлением трех корпусов возлагается на генерала Ключева. В этом приказе давалась совершенно невыполнимая директива движения корпусов, не считавшаяся с положением в данный момент. 15-му корпусу предписывалось отходить на Янов, а 13-му на Хоржел. По словам капитана Фукса, генерал Ключев сначала намеревался не исполнять этого приказания и вести свой корпус на восток — на Омалефоген и Видленберг, но потом, по своему обыкновению, слепо исполнил приказ и направил корпус

на Мушакен через Яблонкен. При этом он не сделал того, что самый мелкий чин генерального штаба обязан был сделать — он не выяснил точного положения вверенных ему корпусов и дорог, по которым они отступают. Этим он сам погубил себя и свои два с половиной корпуса. Между тем, казалось-бы, у него на это была возможность: когда мы подходили к Яблонкену, то возле деревни увидели совершенно свежий, как нам казалось, казачий полк. Был ли это тот Оренбургский казачий полк из 13-й кавалерской дивизии, о котором неодобрительно отзывался в своей записке генерал Мартос (Головин, стр. 181) или иной, но уже к ночи отдельные группы казаков скакали во все стороны, стараясь проскочить на юг. Во всяком случае, однако, имея этот полк, генерал Ключев должен был произвести разведку по направлению к 15-му корпусу и в Кальтенборнский лес и сообразно с этим вести свой корпус.

В журнале “Часовой (№ 382, декабря 1957 г.) была интересная статья М. Карханина о Российском Генеральном Штабе, создание которого зародилось еще при Петре Великом. В своем воинском уставе 1716 г. Великий Преобразователь определял задачи тогдашних полковых квартирмейстеров: заблаговременно изучать театры военных действий, производить разведки, организовывать марши — “в каком строю войска идти имеют, дабы друг другу не препятствовать”. Современные колонновожатые в Яблонкене об это как-раз не позаботились. Они удовлетворились указанием приказа генерала Постовского, что 15-й и 23-й корпуса отступают на Янов, но каким путем, не подумали. Между тем, как пишет генерал Головин (стр. 303), те части 15-го корпуса, которые вместе со 2-й дивизией находились у Лана, могли отойти только на Комузин.

Части 13-го корпуса, двигаясь по дороге Яблонкен—Мушакен, вступили в густой лес, который называется то Комузинским, то Кальтенборнским, то Валлендорфским, в зависимости от того, с какой стороны в него входить. Было уже темно, когда мы были остановлены у перекрестка с дорогой, ведущей, как оказалось, из Лана на Кальтенборн. По ней двигалась масса отступающих войск — это были 15-й и 23-й корпуса, усталые, голодные. Как раз со стороны 13-го корпуса на месте не оказалось ответственных начальников. В голове шел Софийский полк, “наиболее сохранившийся”, как пишет капитан Фукс. Части перепутались, никто не знал, куда идти, слишком поздно чины штаба стали у перекрестка, спрашивали подходящие части и давали им направление. Получалась полная неразбериха, в которой старшие начальники, по словам записки генерала Ключева, “всю ночь сами сортировали части, иногда чуть ли не по одному человеку”. Общее направление 15-му и 23-му корпусам было дано “направо”, т. е. на Мушакен, а 13-му на Кальтенборн, т. е. левей (“Военный Сборник” № 4, стр. 161). Вероятно, не все старшие начальники были осведомлены, куда направлять части, так как наш 3-й батальон был отделен от полка и направлен на Мушакен. Полковник Левицкий, сколько мог, держал ос-

таток батальона в руках и к утру привел его на высоту, командующую над шоссе Нейденбург—Вилленберг. Визу была видна наша брошенная батарея, так как лошади были подстрелены и не могли уже везти орудий. С момента встречи корпусов на перекрестке, Армия перестала существовать: люди в большинстве частей разбегались и перемешивались. Ожидая направления у перекрестка, я увидел полковника, стоявшего на небольшом холмике, он назвался командиром 31-го Алексеевского полка, и сказал мне, что он потерял свой полк. Генерал Головин полагает, что “Центральные корпуса армии генерала Самсонова гибли не от окружения, а от удара со стороны своего левого фланга в тыл, причем этому удару удалось развиваться так глубоко, что он пересек все пути отступления на юг”. (стр. 335).

Это неверно: не немцы нас добились, а мы сами, вернее, генерал Ключев нас развалил в Кальтенборнском лесу. После Кальтенборна корпуса, как организованной единицы, уже не было, была лишь толпа пешеходов и конных солдат, бродивших в лесу, искавших, в каком-то начальнику пристать для того, чтобы пробиться. Попытки пробиться были сделаны: колонна, которую командовал генерал Преженцов, но при которой находился полковник Первушин с двумя батальонами своего полка, натолкнулась у Валлендорфа на немецкое заграждение, с артиллерией. Выкатив свои орудия, полковник Первушин открыл сильный орудийный и пулеметный огонь, а затем бросился в штыки, увлекая за собой колонну, состоявшую из разных частей. Немцы были смяты и бежали, бросив 20 орудий, но в рукопашном бою полк Первушина получил три штыковые раны и упал замертво. Лишившись энергичного начальника, колонна рассеялась, генерала Преженцова в темноте не могли найти, и он очутился уже в плену. Более удачным оказался прорыв у Садека и Пухаловена полутора батальонов 31-го Алексеевского полка под командой подполковника Сухачевского. Средняя колонна, при которой находились генералы Ключев и Угрюмов, силой до 20.000 человек, с многочисленной артиллерией, направилась на Садек и Рейшвердер. Встреченная артиллерийским огнем немецкого заграждения, она сопротивления не оказала и по приказанию генерала Ключева сдалась “во избежание напрасного кровопролития”. Эти слова, как замечает генерал Головин, “у Садека произносились пострадавшим человеком со сломанной волей”. Не желая осуждать генерала Ключева, генерал Головин задает вопрос, что-бы произошло, если-бы он попытался пробиться у Пухаловена. Он считает, что на фронте в 15 километров было не больше 6—7 немецких батальонов при 7—8 батареях. У Ключева силы были не слабее противника, т. е. в его колонне было не менее 20-ти батарей. “Волевая устойчивость ген. Ключева несомненно уменьшалась-бы успехом, немцы-бы наступились”. (Головин, стр. 333—334).

Таково же мнение немецкого историка: “Кольцо, их окружавшее, было тонкое, на протяжении 50 километров от Мушакена через Вилленберг до Едвабно

находились... всего 29 батальонов, ослабленные предшествовавшими боями. Энергичному и смелому военачальнику удалось-бы прорвать кольцо и вырваться с большей частью своих сил. С немецкой стороны считались с такой возможностью. Однако, нигде такой серьезной попытки сделано не было”.

Я сам со своим батальоном и кучкой солдат моей роты оставался на высотах над Мушакемом, под артиллерийским обстрелом немцев, как только они замечали малейшее у нас движение. Снаряды сбивали верхушки деревьев, которые с треском падали на землю. В этой трескотне я не видел, как остатки батальона ушли куда-то на восток, вероятно пица, где можно будет прорваться на юг, и остался с кучкой в пять шесть человек и подпоручиком Новиковым моей роты. Позже ко мне присоединился офицер Софийского полка капитан В., отбившийся от своего полка. Мы целый день пробродили в лесу, стараясь проскочить, но везде встречали пулеметный обстрел по шоссе, а ночью игру прожекторов, освещавших дорогу. На расвете я отпустил своих людей, с советом пребираться одиночно, а сам с Софийским офицером и Новиковым решил сделать то-же самое. Однако нам это не удалось: измученные многими бессонными ночами, боями и утомительными переходами, мы заснули в лесу и проснулись лишь в послеобеденное время, когда в не-

скольких шагах от нас надвигалась немецкая цепь, вылавливающая наших людей, как затравленных зверей. Иногда раздавались одиночные выстрелы — нам говорили потом, что немцы пристреливали тяжело раненных. Для меня война кончилась, начались томительные три года плена.

Хотя спешность мобилизации не дала мне времени хлопотать о переводе в мой старый полк мирного времени, в котором я прослужил шесть лет, я был счастлив, что судьба привела меня быть в походе со славным первым полком русской Армии, одним из полков Великого Императора. Все мои сослуживцы, офицеры и солдаты, исполнили свой долг в тяжелой походной обстановке и в боях с противником, о чем свидетельствует, что из 46 офицеров, вышедших в поход, за три дня было убито и ранено 16, т. е. 33 проц. Сколько мы потеряли нижних чинов, точно установить не удалось, но несомненно эти потери были очень велики. Что-же касается нашего любимого и чтимого командира полковника Первушина, то для нас было истинным праздником, когда мы узнали из писем с родины, что по возвращении его из плена, как тяжело раненого, он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Г. Беннигсен

(Окончание следует)

Три времени года в четырех стенах

(Окончание)

Идет 4-я неделя Великого поста; говеют 3-я и 4-я роты. Уже приготовлено *трио*: “Да исправится молитва моя”. По средам и пятницам едим постную пищу, какие-то ужасные *шуляки* (ломанные коржи — в белой водичке) и картофельные котлеты. На утренней молитве поем трижды “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко” и трижды опускаемся на колени.

Перед исповедью, пишем на записочках список “грехов”, в которых должны покаяться и тут-же кощунственно на подаваемых просфорах пишем: о здравии: “биндюжника *Солона*”, “балды *Люсида*”, “раба Божьего пьянчуги *Зданкевича*” и пр. Все равно, мол, дякон со слепу, да и за множеством просфор — не разберет!

Дни все ясней и солнечней! По утрам на лужицах еще тоненькие корочки льда, которые так приятно разбивать каблуком, но по всему видно уже, что весна прочно вцепилась в свои права. Приближается Страстная неделя и Пасха.

Нас с Глебушкой на Пасху не берут домой (и дорого, и далеко), но большинство кадет, живущих большей частью в Полтавской губ. или поблизости — готовятся к отъезду. Остается из всех классов человек 40—50. Всех нас сводят в одну роту и помещают в один дортуар. Это уже необычно, и потому приятно!

Там, где раньше звучали тенора и неокрепшие баски — раздаются тоненькие голоса малышей из 4-й роты. Старшие кадеты их балуют и ласкают. Своей молодостью, наивностью и малолетством они невольно возбуждают нежность старших. Ведь это — они сами 5, 6 лет назад.

Уроков нет, но зато церковные службы по 2 раза в день. В промежутках ходим гулять по расцветающей, как молодая красавица, Полтаве. Она благоухает уже зацветшей акацией, улицы постепенно превращаются в сады, в круглом саду открываются летние будочки, торгующие квасом “*Фиалкой*”, пивом и незамысловатыми сладостями.

“Круглый сад” Полтавы — это пляс Этюаль в Париже. От него расходятся во все стороны главные улицы: Александровская, Мало-Петровская (интересно то, что Большой Петровской нет вовсе), Сенная, Кобелянская и пр.

Вокруг сада сосредоточено много казенных учреждений: дом губернатора, Губернское правление, Корпус, женская гимназия, Окружный суд и пр.

“Тут и полиция, тут и милиция, тут и юстиция, — словом институт благородных девиц”!

А к настоящему “Институту благородных девиц” ведет широкая, густо засаженная липами “институт-

ская аллея", больше похожая на сад, чем на улицу. У самого института большие, чугунные ворота, всегда закрытые, за ними большой двор и в глубине — длинное здание с большой надписью золотыми буквами.

Мы симпатизируем институткам: это, ведь, почти девичий кадетский корпус, но мы видим их очень редко на балах: корпусном и институтском (да и то только одних, так наз. пепиньерок), поэтому наши увлечения и дружба тянутся к гимназисткам. Я, например, только в 7-м классе, т. е. в год окончания корпуса, узнал, что в этом году кончает институт моя двоюродная сестра Леля, хохлушка и прекрасная певица, гордость институтского хора. История почти невероятная.

Гуляем (т. е. нас водят гулять парами) около института довольно часто, смотрим на окна, в которых мелькают силуэты, а, кто это, и разобрать нельзя: то ли миленькая институтка, то ли классная дама, то ли просто сторож-ламповщик.

На всякий случай машиваем руками в виде салюта!

Регент нашего хора Иван Ник. Ризенко (по-кадетски *Ванько*) в отчаянии: почти все хористы уехали на каникулы и сложных песнопений Страстной седмицы петь некому. Набранные с бору да сосенки человек десять хористов по 2 раза в день собираются, чтобы одолеть: "Вечери Твоя", "Да молчит всякая плоть", "Волною морскою" — все то, что поется один раз на Страстной неделе, чтобы быть потом забытым на целый год.

— Что делать? Что делать? — ерошит на себе волосы Ванько: — Это катастрофа (он почему-то делает ударение на втором "а").

Катастрофа предотвращается неожиданной помощью 3-х любителей пения: физика П. Г. Люсина, учителя чистописания Здановича и географа. Кроме того, Ванько привел еще 2-х своих знакомых семинаристов.

Кое-как дело налаживается, потому что педагоги больше "любители", чем по-настоящему знающие певцы. Плавают не меньше нашего. Веселые песнопения заутрени, зато идут довольно бойко. Спевки происходят теперь в пустой учительской комнате: окна открыты настежь, сквозь них врывается веселый и не очень громкий шум города, и с какой-то особенной детской радостью осязаются вливающиеся в комнату уже теплые порывы ветерка, запахи акаций, звуки тархтящей где-то пролетки.

Все это смешивается, вдобавок, с запахом сигары, которым прокурил насквозь всю учительскую комнату француз Жаке, и которого нельзя выветрить никакими сквозняками.

Кончаем репетицию — и сразу на прогулку.

Подальше! Подальше! К институтской роще, на Харьково-Николаевский вокзал, к домику Котляревского, к монастырю за Ворсклой.

За три часа прогулки, наглотавшись свежего воз-

духа, усталые, но возбужденные — возвращаемся в корпус. И сразу — наша милая церковь, тихий голос "бати" Исаенко, возгласы диакона, воображающего себя знаменитым басом и "бум-бум" нашего псаломщика Соловья (нисколько не напоминающего козлиным тенорком своего знаменитого конкурента).

Духовенство в черных ризах, служба идет негромко, часто становимся на колени при чтении молитвы Ефрема Сирина: "Господи и Владыко живота моего..."

О, никогда, никогда в течение всей моей жизни не приходилось мне с таким напряжением, с таким волнением ждать окончания этих грустно-радостных дней, когда (после тихо-печальных служб в темных ризах, длинных чтений и особенно после чтений "Деяний Апостолов", ночью в темной церкви перед плащаницей, в полном одиночестве, когда все спят и когда только тоненькая свечка озаряет тусклым светом плащаницу и текст "Деяний"), все разрешалось вдруг великолепным ночным богослужением. Когда зажигались все люстры, духовенство сияло блестящими светлыми ризами, когда одетые в парадные мундирчики офицеры и их семьи (барышни в белых платьях с цветками), пестрой толпой наполняли нашу церковь.

Летняя ночь благоухала запахом цветных, степных трав, распутившейся акации и так все это гармонировало с радостно ликующим тропарем:

"Христос Воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ..."

После заутрени всегда был перерыв. Уже похристосовавшись, мы (певчие) спускались в столовую, где нам, по обычаю, давали *гоголь-моголь* и где уже шли приготовления к накрыванию столов для розговена: 2 яйца, кусок ветчины, по куску кулича и сырной пасхи.

Быстро проходила литургия, еще быстрее наши скромные розговены и через четверть часа наш дортуйар погружался в сладкий сон.

3.

СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ. БЕИ КАДЕТОВ!

До возвращения с пасхальных каникул оставалась еще неделя и какая неделя!

Сияющие солнцем полтавские дни, благоухающие улицы, веселая праздничная южная толпа, вечеринки у Акинфьевых. Нас, кроме того, водили два раза на казенный счет в театр. Видели: "Доходное место" с Самойловым. Когда в третьей картине он, напившийся с горя, поет в пустом трактире "Эх, лучинуншка!", на глазах сидящего с нами физика П. Г. Люсина — фанатика русской драмы — видны слезы, которые он не старается и скрыть.

На одной из прогулок произошло то, что теперь называют “уличными беспорядками”. Встретив на одной из улиц Марусю Акинфьеву (сестру Анечки) весь наш строй ринулся к ней христосоваться. Тщетны были вопли сопровождавшего нас воспитателя.

С первыми тремя еще не пришедшая в себя Маруся, расцеловалась, но, когда она увидела, что на нее наступает целая рота — она взвизгнула и ринулась паутек, разозленная, взволнованная и все-таки, наверное, счастливая.

В дартуарах спим с открытыми окнами, долго болтаем на сон грядущий. Один из семиклассников поестствует о боях между кадетами и гимназистами в Вербную Субботу в Харькове.

В этот день гимназисты выкидывали лозунг: “Бей кадетов!”. Лозунг полу-шуточный, полу-серьезный. Бой должен был происходить на вербах, но в действительности заготавливались очень солидные прутья.

Гимназистов тучи, кадет 25—30 человек на весь город. Многие к этому дню не успевали еще приехать. Но не принять бой было-бы трусостью. От имени старших кадет рассылалось строгое приглашение — не уклоняться от боя, не прятаться за “мамины юбки” и всем быть на всеобщей в кафедральном соборе. Обо всех уклонившихся будет сообщено в корпуса, для товарищеского суда. Малыши 1, 2 и 3 класса — освобождаются. За все годы “уклонившихся” было только два (якобы, по-болезни). О них было написано в корпусе, а что там с ними сделано — неизвестно.

Малыши, освобожденные от боя, удирали все-таки из дому, обманув родных, и первыми являлись на сборный пункт. Некоторые приносили с собой под и бинты. Выгнать их было совершенно невозможно: они как собаченки прятались в соседний переулок и потом опять из него выползали. Они горели решимостью и отвагой.

Кончалась всеобщая — толпы народа, с вербочками в руках, растекались по улицам. Бой, начинаясь с легких ударов:

Не я бью, верба бьет!
Верба хлест!
Бьет до слез!

— За тыждень
Вельк день!
Будь здоров, як вода,
И счастливый, як земля!

постепенно переходил в сильное хлестание по чем попало! Тактика была всегда одна: разбить кадет на халенские группы и оттеснить их в соседние улочки.

Нужно быть справедливым: попадало кадетам изрядно! Но отступлений и бегства с поля сражения — не было. Запомнилось несколько сценок: в узеньком переулке, припертый к стенке, атлетический кадет-воронежец, сжав зубы, отбивался один от наседавших

на него 5—6 гимназистов. По лицу его текла кровь — но он, как Леонид в Фермопилах, отражал все атаки, пока к нему не подросла помощь.

Бой кончался на рыцарский манер: у наших противников подавался какой-то неведомый нам сигнал, выходил с белой повязкой кто-то вроде парламентаря; противники отдавали друг-другу дань “мужества”, замазывались иодом царапины, пожимались руки и вечер заканчивался совместным гулянием по бульварам до полуночи (с барышнями гимназистками — “сестрами милосердия”).

4

Р О М А Н

В пятом классе я увлекся фотографией. Летом, на Петра и Павла, я получил в подарок дешевенький аппарат. Стал снимать направо и налево!

Снимки часто получались вроде тех, о которых с таким юмором писал Джером К. Джером: снимая свою двоюродную сестру, замужнюю с годовалым ее ребенком на коленях, проявив пластинку — он ахнул! На коленях его сестры сидел полуголый парень лет 20-ти, притом явно идиотического вида или полупьяный. Муж сестры, увидев фотографию, пришел в бешенство и собирался даже начать дело о разводе.

Я все-таки не унимался и неумоимо портил пластинки. (Тогда не было еще пленок). Гуляя однажды по корпусному плацу и выискивая сюжеты, я зашел за кусты сирени и в маленьком домике напротив, увидел у окна молоденькую девушку. Все кадеты ее знали: это была Леночка Сокольская или Аленушка, как ее просто называли.

— Здравствуйте, Аленушка! Можно вас снять?

— Снимайте, если хотите! Вот так, как я есть, с книгой, да еще с какой? Геометрией Киселева!

Снимок вышел неожиданно удачным, пришлось в воскресенье его занести, и с этого дня начались мои страдания! Почему страдания? Сейчас будет ясно!

Аленушка была мое ровесница, была она среднего роста, тоненькая с милым хохлатым личиком и большой косой. Цвет лица у нее был немножко бледный, но ясные голубые глаза смотрели всегда доверчиво и наивно, а улыбка делала ее очень миленькой и привлекательной.

Но... она была... хромоножка! Левая нога была у нее немного короче правой и ходила она чуть на нее припадая. Молодежь, со свойственной ей в некоторых случаях грубоватостью, заклеила ее грубым прозвищем: “рубль двадцать” (так дразнили всех хромых) и этого было достаточно для того, чтобы на вечерах никто из кадет ее не приглашал, несмотря на то, что в танцах ее хромота была не очень заметна. Танцевала она довольно грациозно, хотя и избегала порывистых танцев (мазурка, краковяк).

С какой благодарностью взглянула она на меня,

когда я на корпусном балу расшаркался и пригласил ее на вальс.

Начался роман: детский, скромный, скромный!

Не скрылся он от зорких мальчишеских глаз. Насмешки, иногда очень злые, усилились.

Был в нашем классе кадет второгодник Крондиевский, отличавшийся крайней грубостью. Он был исключен впоследствии из 6-го класса. Когда распределялись билеты на бал 6-го декабря (они все посылались по почте) и дошла очередь до меня, он буркнул:

— “Ну, этой хромой калеке, пусть сам отдаст билет! На нее жалко тратить марку!”

Даже, привыкшие к грубости Крондиевского, кадеты были немного сконфужены его выступлением. Чтобы не потерять своего престижа, он засунул руки в карманы и, насмившаяся, вышел из класса.

Всех эти насмешки казалось-бы было достаточно, чтобы оттолкнуть меня от Аленушки, но я, неожиданно даже для самого себя — проявив такое хохлацкое упорство и так упорно оставаясь верен своей даме, что постепенно все насмешки стали исчезать, а в 7-м классе нашлись 2—3 мальчика, которые начали даже танцевать с Аленушкой и бывать у нее по воскресеньям. За ними потянулись и другие, и уже на нашем выпускном балу я в первый раз испытал что-то похожее на радость.

Чтобы быть справедливым, должен сказать, что Крондиевский, через три дня после истории с билетами, подошел ко мне с довольно сконфуженным видом и сказал: “Ну, Павлушка, прости меня! Сознаюсь, сморозил глупость! Самому стыдно!”

Родители Аленушки жили в деревне, а в Полтаве она жила на квартире у довольно богатой тетки. Была она первой ученицей в классе и решала нам геометрические задачи, с молниеносной, совсем не девичьей быстротой. Недурно играла на пианино, а иногда и напевала тоненьким сопрано милые простые хохлацкие песенки. Летом последнего года, ее родители пригласили меня провести 2 недели у них в деревне.

Гуляли мы с Аленушкой по полям, рощам, сидели по вечерам у ставок с “ряской и счеретом”, играли в крокет, робко еще целовались и казалось нам, что наши чувства, “наша любовь” продлятся всю жизнь.

Но для меня наступила вскоре новая, петербургская эра жизни. Аленушка уехала учиться в Харьков. Осталось несколько листиков писем, наивных и нежных, постепенно прекратившихся — и все кончилось.

Вот и весь роман!

5

ПИРУШКА С МАЛЫШАМИ

Возвращается ветер на круги своя!

Кончается святая неделя. Завтра возвращаются отпускные. Малыши приуныли: — “Нам было здесь так хорошо!” — говорят они.

Накануне приезда отпускных, мы устраиваем ма-

ленькую пирушку-прощание с малышами. Покупаем печенье, знаменитые кандыбовские картошки, лимонад, квас и даже пиво. Накрываем в одном из классов простыней стол, расставляет яства и “кутим” до 10 часов вечера. Произносятся даже 2 тоста: самым старшим и самым младшим кадетами.

Первоклассник малыш, краснея, бледнея и заикаясь, произносит:

— Дорогие товарищи старших классов! Спасибо вам за роскошный обед! Мы были счастливы пробывать этот период (долго, вероятно, ломал голову над этим словом) с вами. Вы нас не били, не обижали, не цукали... и мы... мы... любим вас. Ура!

— Ай да молодец! — восхищаются старшие: — сам сочинил речь, что-ли?

— Сам! (немного сконфуженно), Ваня Киященко только немного помог!

Кончаем пир, как всегда, пением грустных малороссийских песен.

6

ВЕСТОЧКИ С РОДИНЫ

У меня в 7 классе 2 друга: двоюродный брат вице-унтер-офицер — Коля Суходольский (из одной с нами деревни Медвежье). Стоило только перейти овраг со ставком и подняться на горку, как мы попадали во владения Суходольских. Тетя была из нашей семьи, а все Суходольские носили какие-то необыкновенные нерусские имена: Геронтий, Авенир и пр.), и Володя Терентьев — наш житомирянин и кларнетист нашего корпусного оркестра. При возвращении с пасхальных каникул оба привозят мне маленькие подарки: Коля — кусок деревенского кулича, Володя — открытки с видом Житомира, и тоже кусок кулича. Володин кулич съедаю с аппетитом, а Колин — деревенский — есть невозможно: он черствый, кислый, совсем без сахара.

Отношу его Глебке, но и Глебка с ним справиться не может и деревенский кулич бесславно погибает в сорном ящике.

Зато житомирские открытки восхитительны!

В те времена цветных фотографий не было, открытки раскрашивались примитивнейшим образом, и на меня смотрит с карточек: какое-то совершенно неправдоподобное итальянское небо (голубое с облаками), бульвар с памятником Пушкину и с такими зелеными деревьями, что больно глазам, река Тетерев, на этой карточке уже с такими розовыми облаками и заходящим солнцем, что невольно возникает вопрос: да Житомир-ли это?

Может быть — это Венеция, Неаполь, Рим?..

Нет! Все-таки это моя родина, моя река, в которой я купался, бульвар, по которому я гулял... Нет! Это не Венеция и не Рим!... Это моя родина, моя Украина!

И я без конца, с обожанием смотрю на фантастические картинки.

И опять текут дни за днями, предстоят экзамены. “Зубрили” стараются во всю, но как тут заниматься, когда сияет такое солнце, поют птицы, деревья оделись в пышные зеленые платья, солдаты и городовые ходят по городу уже в белых рубашках, Анечка Акинфьева пришла навестить своего брата в приемную корпуса в таком ослепительном летнем платье, что около нее собралась, шедшая в это время на прогулку, чуть-ли не вся 1-я рота, восторженными глазами впившаяся в “королеву”.

Была военная прогулка по городу с оркестром музыки. На институтской улице столкнулись с такой же прогулкой Дворянской гимназии.

Черт возьми! У них тоже духовой оркестр, да и какой еще! Не хуже, а может-быть и лучше нашего. Дворяне останавливаются, мы тоже и в нашу честь они исполняют “Преображенский марш”. Положительно эти “дворяне” — молодцы!

Нам-бы следовало тоже ответить и сыграть что-либо в их честь. Но что? Не польку-же и краковяк!

Благодарим и расходимся по разным направлениям.

Наконец-таки состоялся долгожданный “инвалидный” концерт.

Сначала шел балет: “Фей цветов” — музыка того же Лисовского. Среди цветов мы узнаем сразу и несколько корпусных барышень: Милицу и Ксану Ромашкевич, двух барышень Павловских и др.

Финальным номером было хор 500 человек. Это было величественное зрелище: расположенный по рядам ступеней, юный хор занял всю сцену с низу до верху.

Запевалой был красавец-тенор реалист Бойко.

“В бурю, во грозу
Сокол по небу
Держит молодецкий путь!...”

Зазвучал его еще немного детский, но чистый, как кристал, тенор... и полилась бессмертная музыка Глинки, перемежаясь вступлениями (та же тема); то сотни альтов, то сотни басов или теноров, на фоне остальных голосов.

Никогда больше не слышал я полностью этого хора и вероятно не услышу.

Ходим гулять уже на корпусной плац, окруженный со всех сторон сиреневыми кустами, начинающими зацветать, берем в соседних будочках велосипеды на-прокат и носимся по дорожкам плаца.

Была и большая, на велосипедах, прогулка в Диканьку по старинному Екатерининскому “шляху”. В Диканьке пили восхитительный мед завода кн. Кочубея, гуляли по роще, сидели на берегу пруда, где когда-то, в ночь перед Рождеством, “ковзались” дивчата и парубки и где собирався утопиться Вакула-кузнец.

Болтали с диканьскими мужиками, с такими-же Солопиями, Черевиками и Чубами, какими они были и во времена Н. В. Гоголя, шутили с дивчатами, угощали их медом, любовались их монистами и венками, и все искали среди них Оксану в царских черевичках.

Прощай, прощай, далекое невозвратное детство, прощай корпус, круглый сад, вся та прелесть раскрывающейся жизни, на которую смотришь наивными детскими глазами! Никогда не увидать уж нам родных полей, рощ, милых садилов, белых хаток. Не испытать того наивного, старого, неторопливого уклада жизни, не увидать живших когда-то простых и бесхитростных людей.

И как не поблагодарить судьбу, позволившую хоть в коротеньких картинках вспомнить этот дорогой, утонувший мир?!

П. Ф. Волошин.

Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ)

Ниже излагаемая краткая история Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса составлена по записям бывшего кадета, выпуска 1906 года, полковника артиллерии С. В. Брылкина.

По воле и непосредственным указаниям Императора Николая Павловича в начале 1830 года был составлен проект учреждения губернских кадетских корпусов. Первоначально было предложено учредить корпуса в Новгороде, Туле, Тамбове, Полоцке, Полтаве и в Елисаветграде. Уже в 1832 году переписка об учреждении Новгородского корпуса была в полном хо-

ду, но практическое осуществление началось с пожертвованием графом Алексеем Андреевичем Аракчеевым значительного капитала. Существовавшие раньше 1831 года Тульское и Тамбовское Дворянские училища, были переименованы в кадетские корпуса, но только в 1837 году последовало Высочайшее повеление об обращении их в неранжированные роты кадетских корпусов в Орле и Воронеже, и их, как не получивших полного развития, нельзя считать самостоятельными заведениями. Поэтому первым провинциальным корпусом, основанным согласно Высочайше

утвержденного проекта и получившим прочное, самостоятельное устройство, должно считать Новгородский кадетский корпус.

До 1833 года не было известно, когда последует открытие Новгородского корпуса, но, когда генерал от артиллерии граф Аракчеев внес в сохранную кассу 300 тысяч рублей ассигнациями, было предположено открыть корпус к 1 января 1834 года.

Еще раньше граф Аракчеев вручил Императору Николаю I свое духовное завещание, которое гласило: "Если бы дни мои прекратились прежде избрания достойного наследника, то сие избрание предоставляю Государю Императору с тем, чтобы избранный наследник полученного не мог-бы растратить".

30 сентября 1833 года граф Аракчеев удостоился Высочайшего рескрипта, в котором утверждались все аракчеевские предположения и, между прочим, положение о стипендиях, которые и приказано именовать "Грузинский воспитанник", и на кроватях иметь надпись "Грузинский воспитанник" и герб графа Аракчеева.

Еще до открытия корпуса Государь приказал в 1832 году "заготовленные артиллерийским ведомством для герцога Рагузского образцы различных орудий передать Новгородскому кадетскому корпусу". Четыре единорога из этого Высочайшего подарка украшали главный подъезд корпуса до его последних дней.

1 августа 1833 года, по докладу Великого Князя Михаила Павловича, директором корпуса назначен состоящий в Дворянском полку генерал-майор Бородин и батальонным командиром 1-го кадетского корпуса подполковник Черницкий, а офицерами — чины Гренадерского корпуса. Для помещения корпуса был выбран штаб 4-го округа пахотных солдат (быв. военное поселение), расположенный на правом берегу реки Мсты в 28 верстах от Новгорода. Ближайшим соседом был 1-й Учебно-Карабинерный полк, который в деле строевого обучения кадет сыграл большую роль. По словам кадета первого поступления и первого выпуска Карцева, жилось хорошо, дружно, душевно, а подчас и весело.

К 1-му января 1834 года, когда набрали штаты должностных лиц, начали прибывать и будущие кадеты. Первыми были два брата Эльснеры, но, как слишком возмужалые, они были отправлены в Дворянский полк; таким образом первым кадетом следует считать Василия Пушкина, с 8-го января 1834 года (выпущен из Дворянского полка в гренадерский принца Евгения Вюртембергского полк).

Великий Князь Михаил Павлович испросил Высочайшего соизволения на открытие корпуса на 15-е марта 1834 года. Этот день стал днем корпусного праздника.

14-го марта прибыл Великий Князь Михаил Павлович. В этот-же день граф Аракчеев выехал в Ям-Броницы для встречи Государя, где и получил через фельдгегеря извещение, что Государь не прибудет. 15-го марта прибыл генерал Ростовцев. В этот же день состоялось торжественное открытие корпуса. В

строю находилось 69 кадет при фельдфебеле Шильд и 3-х унтер-офицерах из кадет.

21-го апреля, в ночь на Светлое Христово Воскресение, скончался в своем имении "Грузино" граф А. А. Аракчеев — благодетель корпуса, где и был похоронен.

6-го мая 1834 года Высочайшим указом Правительствующему Сенату было повелено: "Грузинскую волость отдать навсегда в полное и нераздельное владение Новгородскому кадетскому корпусу, дабы доходы ее шли на воспитание юношества". Корпусу именоваться Новгородским графа Аракчеева кадетским корпусом и печатать иметь герб графа Аракчеева. Таким образом вместо государственного герба (двуглавого орла), как было в других корпусах, Новгородский корпус имел герб графа Аракчеева, окруженный надписью сначала "Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус", а потом "Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус". На погонах и эполетах иметь буквы "Г. А.", по образцу бывшего Гренадерского графа Аракчеева полка. (Полное собрание законов Т. X. 1834, № 7034, 7054 и 7057).

Корпус оказался владельцем (помещиком) целой волости, имения "Грузино", библиотеки в 10 тысяч томов, портретов Государей Петра 1-го, Павла 1-го, Александра 1-го, портрета графа Аракчеева, работы Дау, что и послужило основанием музея корпуса, в котором хранились и два кубка, из которых пили в Тильзите Императоры Александр 1-й и Наполеон, и ценные иконы.

26-го сентября 1834 года корпус был осчастливлен первым посещением Императора Николая Павловича.

В конце 1834 года все столичные корпуса, а также предполагаемые к утверждению, Высочайше было повелено разделить на разряды. Аракчеевцы вошли в 1-й разряд составляя его 4-й батальон, (корпуса 1-й, 2-й, Павловский и Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус). Погоны устанавливались темно-зеленый с алой выпушкой и высечкой Г. А., обмундирование одинаковое со столичными корпусами, но без галуна на воротнике.

9-го мая 1835 года последовало Высочайше утвержденное положение о Новгородском кадетском корпусе в составе рот: 1-й гренадерский, 2-й мушкетерской и 3-й неранжированной.

В 1837 году в управление корпусом вступил генерал-майор А. А. Петров.

В том-же году корпус вступил в полный комплект.

Летом 1837 года Государыня Императрица посетила кадетскую столовую и изволила кушать ложкой кадета Бачманова (ложка была вызолочена и передана в музей корпуса).

5-го марта 1838 года прибыло Высочайше пожалованное знамя. Первым знаменщиком был унтер-офицер Коведаев.

В 1839 году состоялся первый выпуск в Дворян-

ский полк. В следующем году состоялся второй выпуск и в управление корпусом вступил полковник Ф. В. Главацкий.

Великий Князь Михаил Павлович ходатайствует об устройстве в грузинской вотчине дворянского отделения Новгородского батальона.

В 1845 году дворянское отделение приказано обратить в перанжированные роты Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Полоцкого (рота Полоцкого корпуса, до постройки помещения, втечении одного года, находилась в составе Новгородского графа Аракчеева корпуса), а по воссоединении именовалось Грузинским кадетским корпусом.

В этом же году приказано "Грузинскую вотчину" передать в управление Министра Государственных Имуществ.

В 1847 году новгородским помещиком Струмиловым пожаловано 19 инструментов бальной музыки.

В 1848 году десятый выпуск из корпуса.

2-го октября почил Начальник Военно-Учебных заведений, Великий Князь Михаил Павлович. Прощание "с моими детьми" объявлено в приказе Главного Начальника Военно-Учебных заведений от 7-го ноября 1849 года за № 1127.

19-го сентября 1849 года Главным Начальником Военно-Учебных заведений назначен Наследник Престола Цесаревич Александр Николаевич.

В 1852 году генерал Ростовцев доносит, что открытие Грузинского кадетского корпуса не может последовать раньше декабря 1853 года, корпус оказался существующим на бумаге.

В том-же году возник проект перемещения корпуса в Тверь.

В 1855 году скончался Державный Основатель корпуса Государь Император Николай Павлович. Император Александр II, чтобы отметить всегдашнюю его милость к Аракчеевскому корпусу, пожаловал каску Императора Николая I. Каска эта хранилась под стеклянным колпаком в корпусной церкви (в соборе Успения Божьей Матери).

В 1853 году директором корпуса назначен генерал-майор Ф. Ф. Религер, а в 1854 году генерал-майор А. Ф. Корф.

В 1857 году открыт 1-й специальный класс.

Принадлежание корпусу капиталы-доходы по Грузинскому имению переданы в Главный Штаб Военно-Учебных заведений (449.742 руб. 52 коп.). Приказ 1858 года за № 2494.

В 1858 году директором корпуса назначен генерал-майор А. А. Икскуль фон Гильденбрандт.

В 1860 году директором корпуса назначен генерал-майор Ф. Ф. Метц, в 1861 году — полковник А. А. Кузьмин и в 1862 году полковник П. И. Носович.

В 1864 году нормальный выпуск в военные училища. Проект уничтожения Новгородского и Полоцкого кадетских корпусов. Заступничество генерала Ростовцева и генерала Клейнмихеля.

В 1865 году проект перемещения корпуса во Псков.

В 1866 году корпус уведомлен, что он перемещается в Нижний-Новгород и директором его назначается бывший кадет выпуска 1848 года Носович. Передача имущества 87-му Нейшлотскому полку.

27-го августа началась отправка кадет. Выступление в 5 час. утра. 28-го Москва и остановка на ночлег в 1-м Московском кадетском корпусе, 30-го — прибытие в Нижний Новгород. Корпусу предоставлено здание бывшего училища Военного Ведомства, которое стояло покоем на высоком месте Нижегородского Кремля с древними кирпичными стенами и башнями. Главный фасад выходил на громадную площадь (в глубине которой находился кафедральный собор, дом губернатора и гауптвахта), пересеченную зданиями церкви Св. Архангела Михаила, собора Успения Божией Матери (он-же и кадетская церковь), казначейством и гарнизонным офицерским собранием. Часть площади перед фасадом корпуса (отвоеванная у города в 1908 году), с гимнастическим городком, футбольным полем, теннисом и горами, служила местом парадов, учений, состязаний и была обсажена самими кадетами деревьями. Северный фасад выходил в Мининский сквер с незабываемым видом на слияние Волги и Оки. На западной стороне были постройки для службы, внутренний плац и сад 2-й роты. Южный фасад выходил в сад 3-й роты.

С переменной места жительства, Аракчеевцы переменили и дорогое для них имя кадета на военного гимназиста. Старый зеленый погон с алым кантом был заменен красным с черным кантом.

22-го июля Государь Император (в 1882 году) Александр III повелел: "Во внимание к вековым заслугам бывших в Империи кадетских корпусов... все военные гимназии на будущее время именовать кадетскими корпусами". Событие это было встречено с неслышуемой радостью.

В 1884 году ушел с поста директора корпуса генерал-майор И. И. Ордынский, назначенный на эту должность в 1877 году, вместо полковника Носовича. В этом-же году повелено знамена, не подходящие под новый образец, передать в корпусные церкви, в строй-же выносить вновь пожалованные. Назначен директором корпуса генерал-майор А. И. Завадский.

В 1885 году Высочайше утверждены звания вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров. Рот было три. Строевая рота стала отбывать лагеря. Издан генералом Карцовым, кадетом первого выпуска, к 50-летию со дня основания корпуса, исторический очерк.

В 1892 году директором корпуса назначен генерал-майор А. Г. Рейнеке.

В 1900 году назначен директором генерал-майор А. Ю. Дамье.

В 1901 году Великий Князь Константин Константинович вступил в исполнение обязанностей Главного Начальника Военно-Учебных заведений. В списки корпуса зачислен Августейшим кадетом Его Высочество Князь Константин Константинович.

13-го февраля Высочайше повелено 10-ти старейшим кадетским корпусам: 1-му кад., 2-му кад., 1-му

Московскому, Нижегородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу, Полоцкому и др., выносить в строй их старые знамена.

15-го марта 1901 года, в 67-ю годовщину основания корпуса, праздник отличался особенной торжественностью. В присутствии Великого Князя Константина Константиновича было вынесено старое знамя, хранившееся в церкви более 30-ти лет.

В тот-же день был поднят вопрос о создании "Общества Вспомоществования нуждающимся Аракчеевцам", так как почин для образования капитала был уже сделан генералом Илясевичем, внесшим 10.000 рублей. Генерал Илясевич, в своей молодости, будучи 10-летним мальчиком, без провожатых, в зимнее время, пешком и кое-где при помощи добрых попутчиков, добрался из Киева до Нижегородского корпуса. Единогласно, присутствующие обратились к Его Императорскому Высочеству с просьбой принять под свое высокое покровительство создающееся Общество. Его Высочество выразил свою благодарность и согласился на принятие звания почетного члена.

В 1903 году произведена внутренняя перестройка здания и открытие бюста Императора Николая Павловича в приемной комнате, находящейся между 1-й и 3-й ротой, во втором этаже здания.

Летом этого года кадеты участвовали в охране особ Императорской Фамилии в Саровской пустыни, при открытии мощей Св. Серафима Саровского. В память этого события участники получили памятные золотые жетоны.

В 1906 году директором корпуса назначен генерал-майор Леонид Павлович Войшиш Мурдас Жилинский.

В 1907 году приказом по Военному Ведомству № 107 объявлено о Высочайшем утверждении нагрудного знака — Николаевский орел и под ним герб графа Аракчеева, окруженный Владимирской лентой с инициалами "Н. I-й и Н. II-й" по бокам посаженный на два скрещенных тела орудий.

В 1908 году Августейший кадет Князь Константин Константинович окончил корпус и перешел в специальный класс Пажеского Его Величества корпуса.

15-го марта 1909 года состоялось торжественное празднование 75-летия существования корпуса. На параде в войсковом манеже, в присутствии Великого Князя Константина Константиновича, участвовали все прибывшие к этом дню бывшие кадеты корпуса, как военные, так и штатские.

В 1910 году установлена своя электрическая станция.

В 1912 году поездка группы кадет в город Полтаву для участия в торжествах по случаю Полтавской битвы.

В 1913 году 15-го марта, в присутствии Великого Князя Константина Константиновича, состоялось торжественное открытие памятника-бюста Государному Основателю корпуса Императору Николаю I, сооруженного с Высочайшего соизволения иждивением бывших воспитанников корпуса, в память 300-летия

царствования Дома Романовых. В тот-же день состоялось открытие двух мраморных белых досок со славными именами 28-ми Георгиевских кавалеров, бывших питомцев корпуса.

17-го марта корпус принял участие в войсковом параде в Высочайшем присутствии по случаю закладки памятника Минину и Пожарскому.

До революции, в Российской Императорской армии находились на службе 3 полных генерала: Шкинский, Огановский, Калинин, десятки генералов и более 50-ти Георгиевских кавалеров, воспитанников корпуса. Летчик Нестеров, артиллерист Менчинский, казаки Мурзаев и братья П. и К. Ануфриевы, Сильвин, Никольский-Любимов и сотни других Аракчеевцев отдали жизнь свою на полях битвы за Родину.

На этом можно считать хронику корпуса законченной.

Учебная, строевая, спортивная часть и внутренняя жизнь в корпусе почти или совсем одинаковы со всеми другими российскими корпусами. Единственно, что можно отличить: лыжный спорт, которому отдавалось все свободное зимнее время. Могли одновременно выходить два классных отделения. В 1907 году была введена езда на велосипедах, причем могли выезжать на поездки целые отделения, а также и верховая езда для 7-го класса по субботам, а поездки по воскресеньям для кадет, не ходящих в отпуск. Первоначально, с 1907 по 1910 гг., езда производилась на лошадях запасной конной батареи, а с 1910 года лошадей предоставляла 10-я артиллерийская бригада. Инструкторами были г. г. офицеры вышеупомянутых частей.

Уделяя большую часть настоящей хроники возникновению и жизни родного корпуса, хотелось бы уделить несколько строк печальному времени его конца, но, к сожалению, сведения об этом периоде далеко не полны.

Вот что пишет один из участников этого времени: "На прочтение манифеста об отречении Государя Императора строй кадет ответил пением "Боже, Царя храни". На первый красный парад было приказано выйти со свернутыми знаменами, — вышли с развернутыми. На втором параде кадеты отказались нести красный флаг, нес его служитель. Половина кадет с парада разбежалась. Было приказано сдать знамена, кадеты разрезали знамена на куски и роздали, а древки были сожжены. После одной из военных прогулок было приказано сдать винтовки. Фельдфебель-кадет скомандовал "на-караул", оркестр заиграл: "Боже, Царя храни". Фельдфебель командует: "к ногте", "на ружье", выпустить затворы и спрятать, а винтовки поставить на свое место". 24 часа было дано кадетам на возвращение затворов. Приказ не был исполнен и кадеты были приговорены к увольнению. В спешном порядке кадеты сожгли книгу-альбом кадетских выпусков, украшенную щитами выпусков и содержащую "Звериаду".

В 1918 году здание корпуса было отобрано и обращено во 2-ю советскую гимназию, а потом в советскую военную школу. Оставшиеся кадеты были переведены

в здание Дворянского института на Варварке. Это все, что осталось от того, что носило гордое имя Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса, с его девизом "Без лести предаю".

И, наконец, в Париже в 1930 году было положено

основание "Объединения кадет Аракчеевцев", при последовательных председателях: Ануфриев, Сняльский, Смирнов, Кох, Спиридович и Брылкин.

Б. М. Марин

КАВАЛЕРИЯ

На австрийской границе стояли полки
Краше красного. Было их много.
Все гордились собой, стерегли уголки
Государства Российского строго.

Средь лесов и полей они жили не зря,
А учились, готовились к страде:
Постоять за Отечество, Веру, Царя,
Не мечтая о легкой награде.

Смертоносной щетинились пики стеной,
Шашки грозно на солнце сияли,
Проходили-ль полки за волною — волной,
Наготове-ль недижно стояли.

И я честь отдал моему-же стцу.
Ликовал с трубачами душою,
Когда, знамя в чехле, молодец к молодцу
Возвращались дорогой большою...

Сколько разных имен Государей, Царей,
Генералов — вождей и героев

С полковых вдохновляло на подвиг страниц,
К сохраненью старинных устоев!

Но, как только вдали загремела война,
Полным ходом свободно по полю
Цвет России былой, выпив чашу до дна,
Вышел дружно на бранную волю.

На-скаку увлекались, рубили сплеча,
Так, что страшно бывало порою,
Иль встречались внезапно в бою сгоряча,
С синим небом, с землею сырою...

Покрывали полки пестрой данью утрат,
Украшали победой просторы
Галицийских полей и предгорья Карпат,
Восхищая Отечества взоры...

Кончен век и романтика прежних времен,
С героизмом в венок увязалась,
А от сонма ушедших в забвенье имен
Лишь бессмертная слава осталась.

Иван Салацкий

К 160-летию швейцарского похода

От автора: — В моей заметке, помещенной в Отделе Хроники "Военной Были" № 33, за ноябрь 1958 года, упоминается о Русских войсках в Ульме в 1799 году. Эти части вспомогательного корпуса Римского-Корсакова вышли из Ульма в сентябре и, пройдя на юг, через Биберах, двинулись на Вейнгартен.

Помещаемый ниже очерк описывает впечатления "одного шваба", бывшего свидетелем прохождения Русских войск корпуса Римского-Корсакова через Вейнгартен, а также их отступление через этот же пункт, после неудачного сражения при Цюрихе, совместно с отходившими из Линдау частями армии Суворова.

На стене одного из домов города Линдау имеется таблица с надписью на немецком языке: "В этом доме жил от 16 октября до 14 ноября 1799 г. фельдмаршал граф Александр Суворов-Рымникский, Генералиссимус Русских войск, после их отхода из Швейцарии и Граубюндена".

ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО ШВАБА И ДОКУМЕНТЫ 1799 Г. ИЗ АРХИВА ГОР. ВЕЙНГАРТЕН.

Приводя эти воспоминания в своей книге, автор между прочим, в главе 8-й "Суворов — Эрц-

герцог Кара", пишет: "В октябре 1799 года, после сражения у Цюриха, прибыли сотни раненых и больных армии Римского-Корсакова в монастырь. Они были размещены в передних постройках, на освобожденных от фруктов чердаках и в деревянных бараках. Еще совсем недавно проходило это прекрасное войско через Швабию и некоторые полки пешком и на конях продефелировали перед моим изумленным взором. Сперва шли Уральские казаки, представительные люди в высоких шапках, красных куртках и темно-синих шароварах. У них были пики с флажками, как у австрийских улан, и их офицеры были украшены золотыми вышивками в восточном вкусе. Затем шла, шумно и могущественно движущаяся стена из железа и стали — Кирасиры Императрицы Екатерины. Впереди литавристы с серебряными трубами, богато украшенные золотыми галунами, верхом на белых конях. За ними песенники, они пели, когда замолкали трубачи. У некоторых висели свинцовые свистульки, которые, иногда, во время пения, были слышны. Потом следовали эскадроны гордых всадников в больших треугольных шляпах с звездобразной широкой застежкой и белой кистью, в белых мундирах с красными нашивками, поверх которых они носили кирасу. Кроме того они имели сабли, какие только бывают у гусар, с ин-

циалами Царицы и с разными украшениями, кони у них все были вороные. При выспих чинах, во главе полка, находились несколько молодых казаков. Эти впереди едущие офицеры, судя по их отличиям, должны были принадлежать к лицам высшего сословия. Среди прочей конницы выделялись гусарские полки: Ликошина и Бауера, первые золотисто-желтые, вторые зеленые, а вообще формы тех и других имели белую шнуровку. Остальные войска имели зеленую форму, а их треугольные шляпы, спереди совсем почти гладкие, были похожи на прусские и украшены орлом из розоватого металла. Гренадеры носили высокие, острые шляпы, спереди с широкой кокардой, а с боков с медными прутьями, которые заострялись наверху, этого, сахарной голове подобного, головного убора. Мухометы имели очень длинные штыки. Ремни и все кожаные части были из юхтовой кожи, почему это войско издавало совсем особый, острый, но не противный, запах. Так проходили они через Вейнгартен при очень хорошей погоде, с блеском и бодрым видом. Многие солдаты, завидя вдали гору "Сантис", кричали, полные уверенности в победе: "Там Париж".

Как быстро весь этот блеск и вся надежда превратились в печальную противоположность!

Спешно был устроен главный лазарет в Вейнгартене. Телега за телегой тянулись, с ранеными и больными, везомые волами и коровами, так-как приозерные крестьяне имели в то время мало лошадей. Употреблялись и специальные больничные повозки, просторные и крытые, и частью имевшие подвесные носилки для тяжело раненых. При выгрузке раненых наблюдались часто ужасные сцены: случалось, что крестьяне, чтобы избежать все эти трудности, высаживали тяжело раненых по дороге и оставляли их лежать в беспомощном состоянии, за что они русскими беспощадно наказывались избиением кнутом.

Каждое помещение монастыря, даже длинные и широкие коридоры, были переполнены больными и умирающими. Почти не было места, чтобы пройти. Было уже холодно и всюду была кучами разложена солома. В дворах поместились здоровые солдаты. Они разводили кестры, пламя которых выбрасывалось до высоты дома. Многие раздевались донага, чтобы очиститься от насекомых и, сидя вокруг костра, очищали на огне свои рубахи, таким образом: двое свертывали рубаху жгутом, потом один из двух держащих этот жгут, быстро выпускал свой конец из рук, а другой развешивал над огнем и уничтожал таким способом в огне насекомых. Этот маневр повторялся несколько раз, после чего рубаха опять надевалась.

В отношении к своим умершим русские относились с гораздо большим благоговением, чем австрийцы. Так-как смертные случаи были очень многочисленны, австрийцы наваливали мертвые тела на большую телегу и везли к месту погребения, где сваливали их в огромную яму. Совсем иначе русские: они делали для каждого покойника особый гроб из струганых досок и везли его на катафалке в лес, в полчасе от Вейнгартена, на место, предназначенное для погре-

бления, где снимали гроб с катафалка, после чего священник его благословлял, кадил и опрыскивал святой водой, а затем гроб спускали в могилу и засыпали землей, тщательно очищенной от крупных камней, "да будет легка каждому другу земля, в которой он, вдали от родины, находил упокоение". Только после, для защиты от непогоды, клали более крупные камни на могилы. На каждой из таких могил ставился деревянный крест. Священник являлся к погребению большей частью в лиловом шелковом облачении с золотым крестом на груди. Обычно он носил грубую, простую одежду, но и в ней он пользовался почти божественным почетом.

В то время прибыл Суворов через Хур по долине Рейпа, затем через Линдау, Равенсбург в Вейнгартен, где он на почте переночевал и на следующий день свой путь через Волфег в Мемминген продолжил, чтобы собрать войска между р.р. Лех и Иллер-Вейс.

Все духовные лица и чиновники из окрестности поспешили в Вейнгартен, чтобы увидеть знаменитого полководца. Я нашел для этого хороший случай. Рядом с почтой находилось королевское учреждение, называвшееся уездной канцелярией. В семействе начальника этого учреждения, господина фон-Аранд, сын которого был со мной вместе в монастырской школе, я находил в любое время любезный прием, а отсюда можно было проезд Суворова удобно наблюдать.

Военная комиссия предшествовала полководцу, она точно осмотрела квартиру и у всех окон, выходящих на улицу, были закрыты ставни. Зеркала, картины и кровати были удалены и из соломы была приготовлена простая кровать. В полдень приехал Суворов в кибитке, запряженной тройкой лошадей, средняя лошадь в оглоблях с дугой. За кучера, в ногах Суворова, сидел казак. Полководец был одет в темное пальто, его шляпа лежала у него на коленях. Он имел остро выраженные черты лица, совсем седые волосы, густые брови и орлиный взор. Офицеры, ждавшие его у почты, подняли его из кибитки и вывели наверх в приготовленную для него комнату. Он смотрел на пустые коридоры, как-бы ища следуемого за ним свиту. Было много высших офицеров, частью из войск Корсакова, частью из союзной австрийской армии, все они должны были пробиться при отступлении через Констанц, который видно уже занят, взявши мост через Рейн и расположившись лагерем у Радольф. Среди суворовских офицеров находились князь Багратион, генерал Сакен, как и граф Артуа, впоследствии, как Карл X. король Франции. Суворов их приветствовал через окно и потом принял в своей комнате. Через короткое время, они спустились вниз по лестнице, сели в свои экипажи и разъехались в разные стороны, по своим квартирам. Рано утром на следующий день, уехал Суворов в Мемминген. Он сидел прямо в своей кибитке, окруженный казаками. В течении нескольких дней следовали войска, к своему полководцу".

Что касается исторических документов, 160 лет хранящихся в архиве гор. Вейнгартен, имеющих отношение к пребыванию войск армии Суворова и Римского-Корсакова в этом районе, то в моем распоряжении имелись 6 фотокопий, которые я принес в дар Суворовскому музею. Вот краткое содержание этих документов:

№ 1. Список медицинского персонала Императорского и Королевского Главного Полевого госпиталя в гор. Вейнгартен (всего 24 врача и 20 человек низшего персонала). Док. № 2. Маршрут батальонному хирургу (фамилия неразборчива), который вместе со своим солдатом призван в гор. Аугсбург. Док. № 3. Маршрут ротмистру Кирасирского полка (фамилия неразборчива), который, как раненный, отправляется в госпиталь в Вейнгартен. Док. № 4. Маршрут прапорщику Абинскому, лечившемуся в полевом госпитале, который, после восстановления здоровья, по его

желанию, следует в армию для присоединения к полку генерал-лейтенанта Козлова. Док. № 5 и 6, (копии с оригинала и черновика, переписка между швабско-австрийским магистратом и госпиталем относительно снабжения госпиталей лошадьми и повозками.

Заканчивая настоящий очерк с выдержками из воспоминаний "одного шваба", — очевидца событий 1799 года, а также с кратким описанием документов из архива гср. Вейнгартен, льщу себя надеждой, что сообщенный мною архивный материал прибавит еще одну страницу к истории легендарного Швейцарского похода и этим возвеличит славу его бессмертных героев — Суворовских Чудо-Богатырей.

Эраст С-кий

Забайкальская казачья бригада

(Из воспоминаний о войне 1914 года)

С малых лет, мечтал я о военной службе, но так как рос за границей, русской армии, в которой предстояло мне служить, я совершенно не знал. Поэтому, все случайно прочитанное о таковой или же увиденные иллюстрации, относящиеся к ней, прочно оседали в моей памяти.

Помню, как сегодня, следующий случай. Однажды попался мне номер какой-то русской газеты, в котором нашел я снимок делегации 7-го уланского Ольвинопольского Короля Испанского Альфонса XIII полка. По какому-то случаю, отправлялась эта делегация в Мадрид, чтобы представиться своему коронованному шефу.

Еще сейчас, больше чем 50 лет спустя, вижу я перед своими глазами, высокого, стройного, с лихо закрученным вверх усом, полковника Томашевского, командира полка, который, в сопровождении полкового адъютанта и усатого вахмистра, был изображен на этом снимке. На меня, тогда 14-летнего юношу, огромное впечатление произвел этот лихой полковник в, тогда еще только что наново введенной, красивой уланской парадной форме.

В ноябре 1914 года Кавалергардский полк, в рядах которого состоял я тогда уже четвертый год, принимал участие в обороне г. Петрокова.

Наша успешная оборона этого важного узла путей сообщения приближалась к концу, так как 5-я Армия, в состав которой входила тогда наша дивизия, по окончании Лодзинской операции, начала отход на восток. Из Петрокова было уже эвакуировано все, что только было возможно. Наконец, и мы получили приказание очистить свою позицию, находящуюся к западу от города и через Томашовские леса отходить в восточном направлении.

Перед самым отходом, получил я приказание из штаба дивизии, в сопровождении пяти кавалергардов,

немедленно отправиться для связи в штаб, находящейся вправо от нас, Забайкальской Казачьей бригады, с которой и отходить за р. Пилицу.

Было уже совсем темно, когда на какой-то узкой проселочной дороге, я натолкнулся на отходящий штаб этой бригады. На ходу явился, ехавшему верхом, закутанному в бурку и с огромной папахой на голове, командиру бригады, лица которого не мог разглядеть в темноте.

Вскоре, наша походная колонна вошла в лес и весь дальнейший ночной путь проходил какими-то узкими лесными тропами и просеками.

Моросил холодный, осенний, пронизывающий насковозь, дождь. Я буквально ничего не видел в эту темную ноябрьскую ночь, и всецело положился на своего "Героя", который, как всегда, уверенно и надежно шел по невидимой мне дороге.

Иногда колонна, на коротко, останавливалась. Тогда, где-то впереди через темноту ночи проблескивали лучи карманного электрического фонарика, который в голове колонны на секунду освещал компас или карту в поисках нашего дальнейшего направления.

Во время этого ночного перехода, меня поражало, с какой быстротой, уверенностью и спокойствием, эти невидимые мне в потемках, забайкальцы, ориентировались в совершенно им незнакомой лесной трущобе и как их, какие-то особенные, глаза пронизывали эту, казалось бы, абсолютную темноту.

В течении всей этой ночи мне не представилось случая познакомиться и разговориться с кем-либо из офицеров штаба. Обреченный, таким образом, на внутреннее одиночество и безмолвие среди совершенно незнакомых, неизвестных и казавшихся мне загадочными, забайкальских казаков, старался я проникнуть в их особенные, как мне представлялось, чисто спартанские условия жизни в глухих, отдаленных от вся-

кой культуры, лесах Забайкалья, причудливые образы которых беспрестанно выростали в моем воображении. Я был целиком приготовлен к самым скромным условиям их жизни в походной обстановке, в которой придется мне оставаться, пока я буду у них.

Начало светать, когда наша колонна остановилась на привал около какой-то лесной сторожки. Штаб бригады начал располагаться здесь на отдых.

Я просто валился от усталости, так как всю предыдущую ночь провел в сторожевом охранении и, конечно, совершенно не спал, а потом целый день принимал участие в перестрелке эскадрона с противником, который в последние дни нашей обороны Петрокова чрезвычайно обнаглел. Не обращая внимания ни на кого, повалился я на кучу хвои под навесом и сразу заснул.

Сколько времени я спал, не знаю, но когда меня разбудил один из офицеров штаба, было уже близко к полудню. Меня звали к генералу. "Будет, вероятно, какое-нибудь донесение в мою дивизию", подумал я. Еще заснанный, освежил я себе лицо и голову холодной водой из колодца, наскоро оправил свою шинель, очистил ее от игл хвои и, захватив свою книжку для донесений, поспешил в сторожку, где находился генерал со своим штабом.

Однако, то, что я увидел в сторожке, было для меня совершенно неожиданным. Лицо генерала, которому я хотел еще раз явиться, на этот раз уже при дневном свете, показалось мне сразу же каким-то странно знакомым. Молниеносно припомнил я фотографию полковника Томашевского, которую я, тогда только еще мечтавший о военной службе, юноша, нашел в какой-то русской газете в Вене, и которая произвела на меня такое сильное впечатление.

Действительно, генерал, командир Забайкальской казачьей бригады был ни кем, иным, как бывшим командиром Ольвиопольского уланского полка. Он несколько потолстел и побелел за эти годы, но концы его густых, седых усов все так же молодцевато смотрели вверх. Для меня эта встреча была так неожиданна, что генерал усмехнулся и не ожидая моего рапорта, спросил: "Разве у меня такой страшный вид, корнет?". Когда я ему объяснил причину своего изумления, он потом еще долго подтрунивал надо мной.

Но этим не кончилось мое изумление в этот день. Вопреки моим предположениям, во время только что отбытого ночного похода, о спартанских условиях жизни Забайкальцев, оглянувшись, я увидел в сторожке болящий стол, покрытый белой скатертью и буквально заставленный самыми разнообразными изысканными закусками, яствами и бутылками разных отборных водок и вин.

С первых же дней войны находился я на фронте и привык к более, чем скромному питанию, в походных условиях, у нас в полку, мало чем отличавшемся от солдатских харчей из походной кухни. Разве только, кем-нибудь из нас полученный из дому, продовольственный пакет на день, на два, вносил некоторое разнообразие в наше ежедневное меню. А тут

вдруг такое великолепие, от которого глаза строевого офицера успели уже отвыкнуть за эти несколько месяцев войны. Чего только тут не было: разного сорта икра, семга, балык, какая-то незнакомая еще мне копченая и маринованная рыба, разные польские колбасы. Конечно, не отсутствовала и знаменитая драгомировская каша с грибами и много других холодных и горячих закусок. А в бутылках с красивыми этикетками, кроме зубровки, рябиновки и других сортов водки и коньяку, были хороших марок французские белые и красные вина, мадера, портвейн и т. д.

После только что законченного тяжелого ночного перехода, все это мне казалось каким-то сном.

Откуда раздобыли эти Забайкальцы, пока я спал, все это великолепие? Наверное будем праздновать именины героя моих юношеских мечтаний, генерала Томашевского, — подумал я.

Оказалось, однако, что не предстояло праздновать никаких именин, а что все это у Забайкальцев совершенно нормальная, ежедневная закуска, — находятся ли они в походе, или же на позиции. Это у них уже так: принято и принадлежит к условиям их походной жизни.

После закусок последовал великолепный обед. Где их штабной повар-казак умудрился его сварить — осталось для меня загадкой, так как в этой сторожке, где было так тесно, что только с трудом можно было повернуться, я не мог обнаружить каких-либо следов кухни.

Все десять дней, проведенные у забайкальцев, казались мне скорей, чем-то в роде праздника, а не, так уже привычной мне, жизнью в условиях боевой обстановки.

В течение моего короткого пребывания в штабе Забайкальской казачьей бригады, пришел я к заключению, что известный комфорт, разные удобства и прекрасная еда были характерной чертой этого штаба.

В условиях походной жизни, Забайкальцы, эти воины от рождения, обладали каким-то особенным дарованием приурочить условия мирного времени к военной обстановке. Причем чувствовалось, что такой, какой-то определенный комфорт в боевой обстановке, это совершенно естественное явление у них, как бы врожденная им черта. Всякие маленькие удобства разумелись сами собой и казалось, что у них даже и не могло быть иначе.

С течением войны и мы приспособились и научились использовать каждую подвернувшуюся нам случайность, или же какую-нибудь мелочь для наших удобств. Также и наша кухня значительно поправилась, особенно, когда каждый эскадрон завел своего собственного повара, однако, все это имело несколько иной характер и не было таким, как бы обязательным и необходимым, каким я это обнаружил у Забайкальцев.

Настроение и дух, взаимная дружеская связь между чинами штаба бригады и их взаимоотношения с генералом Томашевским были прекрасны и ничем не отличались от тех условий, к которым я привык в

своем родном полку и за этот, короткий к сожалению, срок, который привелось мне провести в их среде, я искренне привязался к милым Забайкальцам.

С первого же момента, когда я проснулся после тяжелого и утомительного ночного похода явился на зов генерала в сторожку, где познакомился со всеми уже собравшимися там на закуску чинами штаба бригады, охватило меня царившее в этом штабе радужное, гостеприимное настроение и почувствовал я себя сразу так же хорошо, как в своем эскадроне.

Вместо каких-то почти что полудиких Забайкальцев, какими они мерещились мне еще только что, во время нашего как бы призрачного ночного перехода через таинственные лесные трупцы, оказались они все, начиная от милейшего генерала и кончая прикомандированным к штабу прапорщиком Верхнеудинского полка из простых казаков, как по подбор культурными, интересными собеседниками, симпатичными и надежными боевыми товарищами, и гостеприимными хозяевами.

Что касается командира бригады генерала Томашевского, то, сохраняя свой полный авторитет начальника, был он одновременно как бы старшим товарищем всех офицеров штаба бригады, настоящим "отцом командиром". Для меня же продолжал он быть все тем же лихим уланским полковником, каким запечатлелся он в моей памяти каких-нибудь восемь лет назад. Среди других хорошо помню чрезвычайно симпатичного офицера генерального штаба, в наилучшем значении этого понятия, капитана Байова, младшего брата генерала Байова, профессора Военной Академии. Он исполнял тогда должность начальника штаба бригады вместо заболевшего. Отлично припоминаю также милейшего штабс-ротмистра Васильева, всегда в огромной, пушистой волчьей лапаше.

В боевой обстановке, Забайкальцы были великолепны. Их спокойствие, хладнокровие, отсутствие всякой суеты, превращали, в глазах постороннего, каким тогда был я, самые напряженные, критические моменты боевой обстановки как бы в маневренную атмосферу мирного времени.

Трехдюймовые орудия их конной артиллерии были тогда еще старого образца, т. е. без щитов. Но это несколько не мешало им лихо выезжать даже на открытые позиции, чтобы обсыпать метким градом шрапнелей показавшиеся колонны германской пехоты, которые от Вольборжа неустанно маршировали вдоль левого берега Пилицы в северо-восточном направлении.

За всю длинную 1-ю Мировую войну, со всеми выпавшими на мою долю самыми разнообразными боевыми переживаниями, воспоминание об этом моем чрезвычайно поучительном и интересном пребывании в Забайкальской Казачьей бригаде, навсегда останется одним из светлых моментов на общем мрачном фоне этой, так печально кончившейся для нас, войны.

После нескольких дней похода через Томашевские леса, прерываемого мелкими боевыми эпизодами, Забайкальская Казачья бригада вышла на р. Пилицу, где в районе Иновлодзя спешилась и заняла позицию вдоль правого берега этой богато окрашенной солдатской кровью реки.

К сожалению, миссия моя вскоре окончилась и, несмотря на то, что в течении следующих трех лет войны побывал я, кажется, на всех участках длиннейшего русского фронта, от Балтийского моря до Румынской границы, не пришлось мне больше встретиться с этими интересными, своеобразными и такими милыми Забайкальцами.

В. К—й

Юбилейные экскурсии по России

На время моего кадетства пришлось несколько исторических юбилеев, в том числе: столетие Отечественной войны 1912 и трехсотлетие Дома Романовых 1913 годы.

В связи с этим, корпусом, да вероятно и многими корпусами устраивались для кадет старших классов поездки по России с посещением исторических мест и осмотром памятников старины.

Поездки эти происходили обыкновенно в начале лета сразу после окончания экзаменов.

По количеству записавшихся, Министерство путей сообщения предоставляло в распоряжение корпуса один или два пудмановских вагона 3-го класса, таким расчетом, что на каждого участника экскурсии приходилось одно спальное место и купе для сопровождающих воспитателей и преподавателей.

Каждый из участников получил от корпуса два теплых одеяла, одно под себя, другим накрываться и по подушке.

С нами едет помощник каптепармуса 1-й роты с огромными чайниками и с кружками, кроме того — горнист. Вагон наш будет прицепляться к разным поездкам и будет следовать согласно заранее выработанному маршруту. Довольствие во время экскурсии от корпуса. Чай и бутерброды с колбасой, или с сыром получаем в вагоне. Обеды заказывает сопровождающий воспитатель или на вокзале, или в какой-нибудь столовой в городе, а иногда обедаем в близ лежащем монастыре, как например, в Спасо-Бородинском, или в Троице-Сергиевской лавре. Иногда, если останавливаемся на несколько дней в какой-нибудь кадетском корпусе, то там же и получаем довольствие.

Экскурсией руководят воспитатели и кто-нибудь из преподавателей, от которых получаем ко всему необходимому интереснейшие объяснения.

Время необходимое для экскурсии идет за счет летних каникул, которые сокращаются по крайней мере на две недели и, не смотря на это, все же всегда

находилось достаточное количество желающих, что является характерным признаком того, что кадеты весьма ценили эти поездки и интересовались ими.

Руководят экскурсий такие силы, которые знают, что показать и как показать и объяснить кадегам, и могу уверить, что объяснения их всегда были очень содержательны и интересны.

Да и в самом деле, кому бы из нас удалось бы частным образом посмотреть еще довольно заметные остатки Шевардинского редута или ступить на священную почву Бородинского поля, или послушать "малиновый звон" звонницы Андреевского собора в Ростове (Ярославском). Да и при посещении частным образом какого-либо города, монастыря или старинного храма, сколько интересных и замечательных подробностей остаются незамеченными или недостаточными.

План экскурсии в 1912 году был намечен так: Выехали с Варшавского вокзала сперва в Витебск, отсюда в Смоленск, далее Бородино, Москва и обратно в Петербург.

Весело было, разместившись в вагоне чувствовать себя в своей компании. Двух одеял и подушки оказалось вполне довольно, чтобы устроить себе удобную постель. Вечером нас прицепили к поезду и, после ночи пути, мы на следующее утро прибыли в Витебск, первый этап нашего маршрута. Прибыли в город утром жаркого дня конца мая. В городе, собственно говоря, осмотреть было нечего, да и сам он топал в нашу программу, как один из исходных пунктов двинувшейся на Москву в 1812 году Великой армии. На вокзале, в буфете состоялся наш первый обед в пути. Дали по тарелке борща с возможностью "прибавки", на второе — по котлете с гарниром было вполне достаточно, особенно имея в виду, что вечером в вагонах был выдан чай и булка с колбасой.

Дальнейший наш путь лежал на Смоленск. Посещение Смоленска уже было много интереснее. Сам по себе город красив. С прекрасно сохранившимся Кремлем, с большим и прекрасно содержавшимся Лопатинским городским садом, с прекрасным собором, который благодаря своему замечательному резному иконостасу, был сохранен от разрушений и Наполеоном и Гитлером и даже большевиками.

Осмотрели Кремль с его башней "Веселухой". В стенах этого Кремля можно было еще видеть и польские ядра из армий короля Сигизмунда и, конечно, ядра французской артиллерии. Потом в одной из многочисленных городских купален выкупались в Днепре. Купанье было под строгим надзором воспитателей, так как стало известно, что во время купанья, кажет-ся в Красном, утонул один из участников кадетской экскурсии. Обедали опять на вокзале, ночь ехали, а к утру были на станции Бородино, откуда предстояло посещение Шевардинского редута и Бородинского поля. Нужно было пройти верст десять пешком. При железнодорожной станции устроен небольшой музей. Можно видеть карты, схемы расположения войск во время Бородинского боя, старое оружие, кивера, кирасы и тому подобное.

На Шевардинском редуте еще можно видеть остатки рвов и валов. Сопровождающие нашу экскурсию преподаватели истории и географии оба прекрасные лекторы, объясняют нам значение боя за Шевардинский редут и его влияние на ход Бородинского сражения.

После лекции, через деревню Утицу, направляемся к Бородину и вскоре вступаем на священную почву, обильно смоченную кровью героических бойцов. Много пришлось мне видеть памятников великих сражений. Начиная с памятника на Куликовом поле и позже, уже в изгнании, знаменитого креста-часовни на поле сражения у Аустерлица в Моравии, по несомненно самый достойный и прекрасный памятник на месте боя — это Спасо-Бородинский женский монастырь, устроенный семейством Тучковых, потерявшим трех своих членов семьи в этом бою.

Представляем себя игуменом и получаем приглашение отобедать в трапезной монастыря. После обеда осматривали церковь монастыря и кладбище. Наследием напий фляги ледяной водой из монастырского колодца, потом возвращаемся на станцию к нашим вагонам.

Далее, путь наш лежит в Москву, где мы пробудем несколько дней и остановимся на это время в 3-м Московском корпусе, в Лефортове.

На Бородинском поле, на полном ходу, земляные работы. К юбилею ожидаются высокие гости и поэтому приводятся в порядок дороги.

Во время этих работ, рабочие зачастую находят ядра, пули, картечь. Эти предметы они с успехом продают нам. За ядро получают 3 рубля, картечины и пули идут по рублю. Долгое время у меня дома лежали на письменном столе три Бородинские картечины, пока при обыске члены сельсовета не конфисковали их, найдя что буржую незачем держать у себя такие опасные предметы, как, сто лет тому назад выстреленную, картечь.

На следующий день мы прибыли в Москву и с Александровского вокзала отправились в Лефортово, где остановились в 3-м Московском корпусе.

В корпусе этом повсюду еще были следы весенних экзаменов. Стояли доски, на которых еще можно было видеть: фамилии кадет, №№ билетов и соответствующие доказательства или решения задач. В общем картежина знакома.

Кратковременное пребывание в чужих корпусах надо считать весьма полезным, оно всегда давало повод к сравнениям разных подробностей внутренней жизни, в особенности питания. При чем сравнения эти приводили к заключению в пользу родного корпуса и подогревали чувство любви и благодарности к оному.

В течение ближайших дней, посетили мы все исторические места, имеющие отношения к Отечественной войне. Хотя я и родился в Москве, но экскурсия впервые дала мне возможность побывать на Поклонной горе. Вполне понимаю восторг Наполеона. С другой стороны вполне правильно обозначение этого места, как "Поклонной горы", ибо, увидевши Москву отсюда,

нельзя ей не поклониться. Побывали и у Дорогомилевой заставы и в деревне Филях, где посетили и хату, в которой происходил исторический военный совет и где тогда была решена участь Москвы и России. Несколько больших картин на стенах изображают этот военный совет и его участников.

Пребывание в Москве закончили посещением чудесной панорамы Бородинского боя и осмотром Кремля и его святынь и достопримечательностей.

По возвращении в Петербург, получили в, по летнему пустом, здании корпуса вещи, выдаваемые на каникулы и отпускные билеты на летний отпуск, который участием в экскурсии сокращался почти на 14 дней. Никто однако об этом не жалел и лучшим подтверждением этого утверждения служит тот факт, что весной следующего 1913 года, когда вновь намечалась экскурсия в память 300-летия Дома Романовых, нашлись достаточно желающих, чтобы наполнить Пульмановский вагон.

В этом году, уезжали в экскурсию в особо радостном настроении. Большинство из нас участников только что окончили корпус и считали себя юнкерами. Да и у меня дома уже лежала готовая, несколько по мальчишески, преждевременно заказанная алая бескозырка "Славной Школы". В этом году маршрут наш был намечен: через Рыбинск в Ярославль с остановкой на несколько дней в, расположенном в этом городе, кадетском корпусе. Из Ярославля поездка на пароходе по Волге для осмотра одного старинного монастыря. Поездка в город Ростов, на озере Неро, потом Кострома, с посещением исторического Ипатьевского монастыря, потом Москва с остановкой на несколько дней, посещение Троице-Сергиевской лавры и возвращение в Петербург.

Собирались для отъезда, на этот раз, на Царскосельском вокзале. Опять для каждого спальное место в купе третьего класса, опять два одеяла и по подушке из корпуса. Опять чай с лимоном и булки с колбасой, сыром или холодной котлетой.

На следующий день перед приездом в Рыбинск переезжаем Волгу, которая производит на нас громадное впечатление. Обедаем на вокзале в Рыбинске. К вечеру уже прибываем в Ярославль, где нас ожидали с ужином.

При корпусе довольно большой сад, что нам, петербуржцам, конечно ново. Вечер после ужина проводили в этом саду с нашими гостеприимными хозяевами Ярославскими кадетами. И здесь в корпусе повсюду следы только что законченных экзаменов.

В один из дней нашего пребывания в Ярославле, предпринимали экскурсию на пароходе по Волге, для осмотра одного старинного монастыря.

Стояла чудная летняя погода и поездка являлась для нас большою радостью. Из Ярославля нас с на-

шим вагоном перевезли на несколько дней в старинный город Ростов, на живописном озере Неро.

Осмотрели там довольно богатый городской музей. В музее бросились в глаза целый ряд камертонов, причем некоторые необыкновенной величины. Оказалось, что эти камертоны представляют собою тона всех колоколов знаменитой звонницы Андреевского собора.

После обеда на вокзале, мы посетили и собор, описание старины, которого, в подробностях, не входит в задачу этих очерков.

Колокола помещены в звоннице, т. е. специально для этой цели возведенной башне, стоящей отдельно от собора. Звонари, а эта должность здесь является потомственной, живут здесь же близко. За сравнительно скромное вознаграждение, которое мы здесь же собираем между собою, звонари соглашаются нам прозвонить все девять здесь принятых "ладов" и "малиновый звон".

Звонари всех возрастов, начиная от мальчиков 8-10 лет и до седых, бородатых дедов, действительно отцы и внуки залезли на звонницу и мы услышали колокольный концерт, который наверно никто из нас никогда в жизни не забудет; да ради одного этого, стоило поступиться двумя неделями летнего отпуска и как не быть благодарным корпусу, который давал нам возможность ознакомиться с такими чудными вещами, которыми так изобилывала наша Родина, но о которых далеко не все знали.

Из Ростова наш вагон перевезли в Кострому, где мы три дня прожили на вокзале, осматривая достопримечательности и исторические места.

Для того, чтобы с вокзала попасть в город, надо было, на огромном пароме переплыть через Волгу. Это было большое удовольствие. Повидали мы здесь чудный памятник Ивану Сусалину, посетили и Ипатьевский монастырь который стоит в дремучем лесу, совершенно как на сцене Мариинского театра, в опере "Жизнь за Царя".

Из Костромы, нас перевезли в Москву, где мы, на несколько дней, остановились в лазарете Александровского военного училища.

В это пребывание осмотрели дворец в Кремле, Грановитую палату, хоромы бояр Романовых. Один день был посвящен экскурсии в Троице-Сергиевскую лавру.

Этим была закончена наша экскурсия 1913 года.

Мы вернулись в Петербург и разъехались на летние каникулы, чтобы осенью вернуться уже в военные училища.

Вспоминая эти поездки по России, с посещением исторических мест, невольно с глубокой благодарностью думается и вспоминается, сколько усилий потратили родные корпуса, чтобы воспитать в нас любовь к Родине, к ее старине и славному прошлому.

Ф. Кочетов

Спортивные заметки

В № 35 “Военной Были” я упомянул многих из тех, кто принес большую пользу в развитии конского спорта в Коннице. Большинство из ездоков Царско-сельского ипподрома и тех, кто тогда же подвизался на провинциальных ипподромах, являлись проводниками спорта в полках. В то время, слабого развития спорта в коннице, поощрение сверху, ограничивалось устройством одной барьерной 2-верстной скачки в дивизии на приз Военного Министерства (первому 150 рублей). Происходили скачки в конце кавалерийских сборов, на импровизированном ипподроме, при чем скакавшие лошади не подвергались систематической подготовке.

Так было до тех пор, пока во главе Инспекции конницы, одно время упраздненной, не стал Великий Князь Николай Николаевич, под влиянием которого произошли коренные реформы в области спорта в коннице.

Тут заслуга тех, о которых я говорил, была велика. На почетную доску должны были быть записаны два имени энтузиастов спорта: Северского драгуна Носовича и Лейб-Гусара А. А. Павлова. Книга Носовича о тренинге стала руководством для начинающих спортсменов, а где бы не служил А. А. Павлов, везде он умел зародить особый интерес к скаковому спорту. Так было в 26-м драгунском Бугском полку, так было и в 1-м Нерчинском полку Забайкальского Казачьего войска.

Лентяи, или слабые ездоки иронизировали “жокеи”, но “жокей” А. А. Павлов показал себя блистательным боевым кавалерийским начальником, а Ахтырцы, братья Панаевы, тоже были “жокеями”.

Видную роль в том же направлении сыграл командир 39-го драгунского Нарвского полка барон Стенгель. Сам спортсмен, он энергично поощрял занятия скаковым спортом, уже при нем Нарвский полк заслужил репутацию выдающегося полка по постановке конского спорта.

Передо мной прошел калейдоскоп прекрасных ездоков. Я не стремлюсь их называть всех, упомяну лишь некоторых из тех, кто запечатлелся в моей памяти.

Бывавшие на скачках в Варшаве несомненно запомнили первоклассного ездока, улана Его Величества. Бибикова и его счастливого конкурента на одной из окружных скачек. Владимирского улана Пушкива, и его высококлассную кобылу “Мимозу”. А вот еще и Сумский гусар Поляков, деливший также, как Лейб-Драгун Гримм свои успехи между Михайловским манежем и скаковым полем. На Киевском ипподроме всем была заметна колоритная фигура Кубанского казака фон Озаровского, всегда оживленного, всегда готового помочь советом “новичкам”, иной раз даже в ущерб себе. Принадлежащая ему кобыла “Романеско” немилосердно стифовала, но неожиданно для всех, благодаря дождям, размывшим грунт, и, конечно, искусству ездока, выиграла Харьковский 100-верстный про-

бег. Другой “фон” — Новгородский драгун фон-Кипарский на окружной скачке в Киеве мастерски вырвал победу на “Дриаде” у зазевавшегося Конно-артиллериста Бабанина, хотя “Лорд” Бабанина по классу был выше “Дриады”. Такой же досадный случай, и тоже на прямой, вышел на Красносельских скачках, с кирасиром Его Величества Петровским, подходящим уверенно первым и упустившим выдвижение Смоленца Белокопытова, выигравшего скачку. Замечательно проведена была скачка Конно-артиллеристом Елчаниновым, выдержавшим спокойно два фальстарта и потому оказавшимся первым на лошади, не имевшей шансов. Экспансивная польская публика сделала ему овацию.

Все старые кавалеристы наверное не забыли “Киркиты” Нацвалова, обогатившего своего владельца. Такой же была “Ла Шанс” конно-артиллериста Чаплина, о которой я уже писал. Вообще конноартиллеристы не хотели отставать от своей кавалерии. Я запомнил некоторых из них, выигравших окружные скачки: Сарандинаки дважды, Елчанинов, Чаплин, Татаровский, Богудский. Его резвая кобыла “Нипет” доставила ему и Императорский приз в Красном Селе, если не ошибаюсь, в 1911 году. 100-верстный пробег Вильно—Ковно выиграл Хабаров на “Лунатике”, внучке Гальтимора, вторым пришел тоже конно-артиллерист Мокржицкий на “Туливере”, как две капли воды похожем по экстерьеру на своего прародителя знаменитого “Руллера”.

Помимо этого в Варшавском Военном округе было организовано Скаковое Общество офицеров Конной артиллерии, устроившее два скаковых дня, приглашая офицеров всего Рембертовского полигона, приезжали трубачи Владимирского уланского полка. Программа состязаний была такая же, как в дивизиях. Пробег в 50 и 100 верст, стипль-чезы и барьерные скачки, а также конкур-иппик, рубка для офицеров и солдат.

Этот беглый обзор, конечно, не исчерпывает темы о развитии конского спорта в русской коннице, но несколько подводит к истокам этого спорта. Все же, спорт недостаточно проникал в глубину и большинство полков имели лишь отдельных представителей на больших ипподромах. Тут нужно учесть материальные затруднения.

Прежде всего сложный вопрос о приобретении соответствующей лошади. Денежно, хотя не очень щедро, но все же приходил на помощь ремонтный капитал, но, если молодой офицер не имел возможности воспользоваться советами сведущего человека, то покупка лошади являлась, в некоторой степени, лотереей.

Не нужно забывать о существовании своеобразной этики: продать лошадь с пороком, конечно, не без цыганской фальсификации, не считалось зазорным.

Полк. М. продал лошадь своему приятелю-помещику. Когда лошадь привели в имение, то обнаружили, что у нее сорван кусок языка. Покупатель пытался

усоветить М. “Михаил Станиславович, как же ты, своему приятелю, продал лошадь без языка”. И получил в ответ: “Отцы родные, скажите, он хочет, чтобы за 300 рублей лошадь ему говорила”. Сделка осталась в силе и характерно, этим приятельские отношения не были нарушены.

Первую лошадь мне удалось приобрести у Херсонского помещика, отставного генерал-лейтенанта Оводова (бывш. командира 17-й конной батареи, закончившего карьеру начальником 2-й Отд. кав. бригады). Приехал к нему, зная лишь, что у лошади должен быть хвост и, когда генерал увидел, как я смотрю на лошарь, то посоветовал: “Опустите козырек на глаза, смотрите на ноги, через спину еще никто не проваливался”. Помолчав немного, добавил: “Так же смотрите и на женщину”.

У генерала существовал обычай: если кто-нибудь выдает себя за знатока, то тот рискует увести отменную калеку, но если офицер признается в своей неопытности, то он выберет сам по совести, а расценку положит в зависимости от возможности офицера.

Предположим, что лошадь куплена удачно и подходящего для скачек класса, но это еще не все, нужно заметить, что только три армейских кавалерийских полка и три конные батареи стояли там, где были большие ипподромы, для других переезд, содержание лошади и пр. сопряжены были с расходами, непосильными для многих. Только те, кто ехали на Красносельскую или окружную скачку, пользовались большими льготами.

Мне не приходилось слышать в России о стипль-чезах выше 4-х верст при 12-ти препятствиях, по высоте полтора аршина и ширине не более 4-х аршин, но на родине спорта, в Англии, разыгрывались призы на Большом Национальном стипль-чезе в Ливерпуле на дистанцию 7 килом. 240 метров с 30-ью препятствиями. Высота препятствий 5 фут. — 5 ф. 2 дм. и ширина 5 ф. 10 дм. — 8 фут. не переходили формы, но трудность скачки заключалась в некоторых

деталях, уже не говоря о количестве участников, жестоко мешающих друг другу на прыжках. 16 препятствий приходится преодолевать на первом кругу и 14 на втором, это те же препятствия, только, при выходе на прямую, отпадает два последних препятствия. Рисунки ипподрома представляет собой усеченный эллипс с двумя предательскими крутыми поворотами. Со старта, скачущие сразу имеют перед собой шесть препятствий, расставленных на коротке. Шестое — “Ручей Битчера”, вал с канавой, при чем за канавой местность понижается на два фута и после прыжка вниз сразу поворот. “Ручей Валентина”, канава перед барьером, вырастает после очень крутого поворота. Неудачный поворот влечет за собой падение в реку.

До какого ошаления может дойти лошадь от такого количества препятствий, иллюстрацией может послужить случай, происшедший в 1956 году на этих скачках с королевской лошадейю.

Выйдя на прямую в голове скачки, она, очевидно, вообразила, что на ее пути еще препятствие, сделала фальшивый прыжок и растянулась. На фотографиях, имеющихся у меня, схвачены моменты прыжка и тот, когда лошадь лежит на животе, вытянув вперед передние ноги. Жокей остался сидеть в седле.

В 1959 году к старту вышло 34 лошади, к призовому столбу пришли только 4. Уже на первом кругу на “Ручье Битчера” упало 8 лошадей, и на втором там же 6. Выиграл гунтер, купленный для охоты, но он показал не только стойкость, но и резвость, раньше выигравши две любительские скачки. У жокея, сидевшего на лошади, пришедшей второй, оборвалось одно стремя, между тем оставалось еще 4 последних препятствия.

Эти традиционные скачки являются экзаменом, что можно предельно потребовать от лошади и от пезаурядного ездока.

А. Левицкий

Памяти командира

15 апреля 1958 г., в г. Монреале, на 75 году жизни, скончался полковник Константин Васильевич Курзенев.

Покойный обладал чертой, которую имеет не каждый: удивительным равновесием разума и характера, благодаря которому, он был и блестящим стрелком, и первым ездоком бригады, и незаменимым заведующим батарейным хозяйством, а, впоследствии, и ее отличным командиром. Солдаты считали его строгим, хотя едва ли был случай, чтобы он наложил на кого-либо из них какое-нибудь взыскание, а младшие офицеры его несколько побаивались, даже тогда, когда он был еще поручиком — он был серьезнее своих сверстников. Эту печать наложил на него, вероятно, юность, которую он провел в неблагоприятных условиях. Отца, капитана 128 пех. Староскольского пол-

ка, он потерял рано, мать получала очень скромную пенсию. За семь лет своего пребывания в Ярославском кадетском корпусе, Константин Васильевич не мог себе позволить ни разу поехать домой, на каникулы. По этой же причине, он не остался на дополнительный курс в Константиновском артиллерийском училище, ему было нужно, как можно скорее, встать на собственные ноги и помогать матери. В 1905 г., он был произведен в офицеры и вышел в 32-ю артиллерийскую бригаду.

В 1914 г., при выступлении бригады на войну, он, в чине штабс-капитана, занимал должность старшего офицера 5-й батареи 32-й артиллерийской бригады, но, обстоятельства складывались так, что очень часто, он ей фактически командовал. Сперва неофициально, пока командир батареи, почтенный, но уста-

ревший по летам, подполковник мирного времени, его покорно слушался во всем, потом, как “временно командующий”, “командующий”, и, наконец, как командир батареи.

Командуя батареей, Константин Васильевич не раз проявлял исключительную изобретательность в деле применения к боевой обстановке. Вот некоторые примеры:

Осенью 1915 года, в бою на реке Стыре, он разбросал орудия батареи на большом пространстве, для лучшей маскировки их, забытыми кое-где в поле остатками конопли — единственной возможной “маской” в этой ровной, как стол, степи. Топографическая подготовка стрельбы в то время еще не была изобретена, но тем не менее, командир стрелял так, что в течение боя получил несколько раз благодарности командира атакующего полка, а за весь бой — Георгиевское оружие.

Летом 1916 года батарея действовала на местности прямо противоположной предыдущей. Если на реке Стрыне фронт батареи мог быть растянут безгранично, то теперь, в узкой карпатской долине его так сказать, вовсе не было, и Константин Васильевич поставил батарею в два этажа: половину орудий под обрывом, впереди, половину — над обрывом, сзади, с интервалами между орудиями в 4 шага, и ушел на наблюдательный пункт, предоставив старшему офицеру решить задачу, как при таких условиях построить параллельный веер. А позже протелефонировал, что “не испытывает никаких затруднений при стрельбе”. Добавим, что такая позиция была, вероятно, единственной в истории артиллерий всех армий.

После этого боя, батарея должна была переместиться вперед, в образовавшийся вдоль долины “мешок” в расположении противника, глубиной в несколько километров. Шоссе было единственной дорогой, но каждое появление на нем каких-либо групп, встречалось огневым нападением австрийской артиллерии всех калибров.

Константин Васильевич решил задачу перемещения так: оставил в орудиях лишь по паре коренных лошадей, ездовой-спешный, дистанция между орудиями 500 шагов, аллюр — конечно шаг. Все остальное шло скрыто без дорог, под лесом западного склопа гор, вершины которых все еще оставались в руках противника. Расчетом командира было, что вид измененных таким способом запряжек произведет на противника впечатление одиночных повозок, или ку-

хонь, т. е. целей, недостойных огневого нападения, и этот расчет полностью оправдался.

Счастье сопутствовало Константину Васильевичу на войне: он никогда не был ранен, а в 6-й батарее не было убитых (один из раненых, бомбардир-наводчик Пичугин, скончался в госпитале — единственная смерть).

Революция не внесла никаких изменений в боевую жизнь батареи. Солдаты поднесли своему командиру Георгиевский крест с лавровой ветвью, а когда, в 1917 году, было введено выборное начало, 5-я батарея (и еще три батареи 32-й бригады) постановила “избрать всех офицеров на должности, которые они в данное время занимают”.

Львиная доля заслуги в этом принадлежала, конечно, командиру. Каким он был, таким и оставался при всяких обстоятельствах. Ему не нужно было “применяться к текущему моменту”, как выражались тогда, в 1917 году. Он был “простой и добрый барин”, и за его долгую, начатую еще в мирное время, службу в 5-й батарее, батарея имела возможность его познать и оценить.

В 1918 году, при Гетмане, Константин Васильевич был уездным начальником в своем родном Остроге. В 1919 году — на бронепоезде Дебармнии. В 1920 году — управляющим делами “Реандоба” (Комиссия по реализации военной добычи) в Крыму. Затем — эвакуация, Бока—Каторска и — снова Острог.

Настойчивость и выдержанность Константина Васильевича сделали свое дело: начав с места управляющего таким малым имением, что он должен был собственноручно пахать, он постепенно стал самостоятельным арендатором большого имения, а потом переселился в город Ровно и открыл молочную ферму. В 1939 году пришлось все бросить, пробираться в Германию и служить упаковщиком.

После объявления войны Германией большевикам Константин Васильевич, по его собственным словам, “мог выдержать только три дня”, а затем явился немецким властям и сделался “Зондерфюрером”, переводчиком для “Бакинских нефтяных промыслов”. В этом звании он доехал, однако, только до Таганрога...

Затем все пошло “нормально: звание “Ди-Пи”, переселение в Монреаль, а там, сперва жизнь рабочего, потом — болезни, госпиталь и смерть.

В Монреале покойный оставил жену и замужнюю дочь.

Вечная ему память.

В. Милоданович

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

СПРАВКА

Император Павел прислал генералу Нумсену несколько „недорослей“ из дворян, для определения их офицерами в Стародубовский полк.

Нумсен ответил, что они к службе не годятся, так как грамоты не знают. На это последовал Высочайший ответ: „С неудовольствием прочел, что вы осмелились судить присланных мною дворян, а ежели они грамоты не знают, то вам следует обучить их всему, что для военной службы знать надлежит. Павел“.

Вероятно, с тех пор и повелось обучение грамоте, сначала офицеров, а потом и солдат.

Извлек С. М.

ПОЭТ ДЕРЖАВИН

В древнем японском городе Иеддо, в одном из храмов, висит шелковое полотнище, на котором вышиты иероглифы — текст поэтического размышления о Боге и человеке. Этот же текст, но на китайском языке, украшал внутреннюю стену Императорского дворца в Пекине. Оба текста — переводные. Оба текста представляют собою перевод с русского — оды Гавриила Романовича Державина „Бог“.

Извлек А. Г.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И ГУМБОЛЬДТ

6 мая 1959 года газеты отметили столетнюю годовщину смерти великого немецкого естествоиспытателя Александра фон-Гумбольдт. Сын немца и француженки-гугенотки, Гумбольдт родился 14 сентября 1769 г. В Берлине, как и в Париже, он был у себя дома. Среди множества фактов, рассказанных газетами, почему-то всюду было умолчено о том, что в 1829 году Александр фон-Гумбольдт был приглашен Императором Николаем Павловичем в Россию, для исследования Урала и Каспийской области. В этой экспедиции Гумбольдт провел 9 месяцев. Шестидесяти лет от роду, он прошел горный кряж Урала и задержался у Каспийского моря.

Возможно, что Его Императорское Величество, военный инженер, полковник Николай Павлович читал „Voyages aux régions équinoxiales du Nouveau Continent“ в 30 тт., то-есть материалы, собранные Гумбольдтом с 1799 по 1804 гг. во время его экспедиции в тропическом поясе Америки (издавались они с 1805 по 1834 гг.). Эта экспедиция была предпринята Гумбольдтом на собственные средства, средства на экспедицию для исследования Урала дал Император Николай I.

Интерес к Каспийскому морю, Персии, Индии Император Николай Павлович унаследовал, вероятно, от отца Павла Петровича и своей бабки — Императрицы Екатерины II. В послужном списке генералиссимуса Суворова есть такая статья: „командирован в Астрахань, для осмотра берегов Каспийского моря

и составления проекта похода в Персию... 1780 г. мая“.

Какие причины побудили Императора Николая I пригласить Гумбольдта, мы, вероятно, никогда не узнаем, остается предположить, что военный инженер знал, что мощь страны обуславливается не только развитием военного дела, но и ее промышленностью.

Е. П.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

По поводу статьи А. Левицкого „Спортивные заметки“, должен внести некоторые дополнения и поправки.

На Олимпиаде в Стокгольме (шестой, а не пятой) от России не участвовали ни Эксе, ни П. Родзянко, ни Иваненко, так как в это время они были на состязаниях в Лондоне, где, в групповом заезде, впервые взяли переходящий кубок Короля Эдуарда, который был взят три года подряд и перешел в постоянное владение России. В 1913 и 14 гг., вместо Иваненко ездил Плешков. Переходящий же кубок Короля Георга взят Эксе в 1911, 13 и 14 гг., и тоже перешел во владение России.

Рекордный прыжок в Михайловском манеже был 2 арш. 11½ вершков и его поставил лейб-гвардии Гусарского полка Звегинцев на „Канзасе“.

Как представители от России на конкур-инник в Стокгольме ездили: Вел. Князь Дмитрий Павлович, А. Родзянко, Селихов и Плешков. Об этом участии упоминается в готовящихся к печати „Воспоминаниях“ Плешкова.

Полковник И. Ф. Рубец

ОТ РЕДАКЦИИ

Полковник лейб-гвардии Кексгольмского полка Евгений Львович ЯНКОВСКИЙ, кадет 3-е Московского Императора Александра II кадетского корпуса сделал для нашего журнала огромнейшую работу — составил полный Указатель ко всем выпшедшим номерам и предполагает продолжать это дело и дальше.

За, почти, десять лет издания, около сорока выпшедших номеров представляют из себя огромный военно-исторический материал, классифицировать, который было совершенно необходимо, дабы будущий историк мог разобраться в его содержании.

Редакция просит дорогого и глубокоуважаемого Евгения Львовича принять сердечную благодарность за проявленную им инициативу и большой труд, приложенный к выполнению этого необходимейшего дела.

Указатель будет печататься отдельными частями в номерах журнала, начиная с № 39 (ноябрь 1959 г.).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1959 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Девятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, rue Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год :

700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

в газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Вышла из печати и поступила в продажу книга
К. С. ПОПОВА

„Лейб-Эриванцы в Великую войну“

В книге 250 стр., 10 схем и 30 фотографий.
Книга не поступит для продажи в книжные ма-
газины. Выписывать только со склада издания:
С. РОПОВ, 32, rue Charles de Gaulle,
Montmorency (S.-et-O.).

Стоимость книги: 2.500 фр.; страны заокеан-
ские — 6 амер. дол.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3 (48)
т. XVI, 1958 г.

подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрыбин,
38, Bd de la Republique, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:

73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:
Париж — в Конторе журнала — 61, rue Char-
don-Lagache, Paris (16e) и в Русских
книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — Chemin Du-
cal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder
Grave, London N. W. 2, 6) у Д. К.
Краснопольского — 49, Penywern Road,
London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg
Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard
de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa
86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объеди-
нении у В. А. Высоцкого 410, Ri-
vercide Drive Ap. 103 A. New-York 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении
у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-
Francisco 18.

Канада у К. Н. Мартемьянова — 716, Gerrard
str. East. Toronto, ONT.

Австралия—а) у В.Ю.Степанова, 57, rue Bruce,
Stanmor (N. S. W.); б) у Н. А. Косач,
16, Valmai ave. King's Park, Adelaide,
South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av.
Satria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obliga-
do 2130, Buenos-Aires.